КЭТРИН
МАККЕНЗИ
НОВЫЙ МИРОВОЙ ТРИЛЛЕР
Я НИКОГДА НЕ СКАЖУ
ОДНА ТАЙНА.
ОДНО ЗАВЕЩАНИЕ.
ПЯТЬ НАСЛЕДНИКОВ
18+

Кэтрин Маккензи

Я никогда не скажу

Серия «Новый мировой триллер»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64951751
Я никогда не скажу: Издательство АСТ; М.; 2021
ISBN 978-5-17-127453-5

Аннотация

Страшная трагедия на территории детского лагеря Макау. Избитое тело Аманды Холмс было найдено в лодке у причала. Каждый, кто был с ней в тот вечер, может быть причастен. Каждый держит в тайне свой кусочек мозаики, ведущий к разгадке.

Двадцать лет спустя, после внезапной смерти Макаллистеров – владельцев лагеря Макау – их дети съезжаются на семейное собрание, чтобы прочитать завещание. Согласно последней воле, они получают лагерь, но не смогут его продать до тех пор, пока не раскроют тайну страшного нападения на Аманду.

В попытке откопать секреты, похороненные глубоко в прошлом, Макаллистеры цепляются за каждую мелочь и вскоре начинают подозревать друг друга. Каждый из них что-то скрывает. Смогут ли они вместе отыскать правду, не разрушив семьи?

Содержание

Двадцать лет спустя 10
Глава 1. Рутина 10
Глава 2. Ты не вернешься домой 13
Глава 3. Снова в черном 23
Глава 4. Те, о ком всегда забывают 34
Глава 5. Предпоследний поворот 43
Глава 6. Я понятия не имела 55
Глава 7. Остров – часть первая 69
Глава 8. Теперь мы все в одной лодке 72
Глава 9. Прыжок в высоту 79
Глава 10. Объедки 90
Глава 11. Джон Дир[6] 109
Глава 12. Беглец 112
Конец ознакомительного фрагмента. 121

Маккензи Кэтрин
Я никогда не скажу

Catherine McKenzie
I'LL NEVER TELL

© 2019 by Catherine McKenzie
© Сорокин, К., перевод, 2020
©ООО «Издательство АСТ», 2021

Аманда

22 июля 1998 года, 21:00

Мы только что начали церемонию зажигания фонарей – в мой последний год пребывания в лагере Макау. Постепенно во мне оживали воспоминания – запах дыма от походного костра, который мы устраивали каждую неделю; шум игр, походивший на внезапно начавшийся ливень; призывы и ответы, звучавшие среди леса, когда нужно было захватить чей-то флаг. Сосны и грязь, песок и солнцезащитный крем.

Идея проста, но весьма эффективна – сделать летающий фонарик из папиросной бумаги, свечей и проволоки, а затем написать желание на его хрупких стенках. Желание должно было исходить из самого сердца, ведь через несколько часов

фонари будут зажжены и устремятся в небо, то поднимаясь, то опускаясь, чтобы, в конце концов, приземлиться на каком-то далеком берегу.

Церемония началась в сумерках за несколько дней до конца июльского тура. В ту последнюю ночь я держала заранее сделанный фонарь, стараясь не подносить его близко к телу, чтобы ненароком не раздавить, пока мы шли вместе с остальными обитателями лагеря к Свимминг Бич. В мои сандалии набились камешки, так что моя лучшая подруга Марго хихикнула, глядя на то, как я трясу задранной ногой.

– Предупреждение о камнепаде, – выдала она.

– Баю-бай, детка.

– Камень, ножницы, бумага.

– Рок[1] круглые сутки.

– Вы, двое, замолчите наконец? – раздраженно сказал Райан, поглядев на нас через плечо. Он был старшим братом Марго, и в свои двадцать лет казался матерым по сравнению с нами, семнадцатилетними – настоящий взрослый, причем объект моих тайных желаний, одно из которых я запечатлела на стенке фонарика.

Марго показала ему язык, потом состроила насмешливую гримасу. Как младшие вожатые мы были обязаны подавать положительный пример. Мы достаточно близко к сердцу принимали эту ответственность, к тому же беспокоились,

---

[1] Игра слов: в каждом предложении употребляется слово rock, переводимое по-разному в зависимости от контекста (*прим. перев.*)

что, если будем сильно шуметь по дороге на пляж, наши желания могут не сбыться. Существовали, в конце концов, определенные правила. Позаботится ли Великий Исполнитель Желаний о просьбах легкомысленных девушек? Нам не хотелось рисковать.

Всего нас было 150 человек – отдыхающих и представителей персонала, держащих разноцветные бумажные фонарики – настоящий калейдоскоп надежд и мечтаний. Мы потихоньку пробирались к пляжу, царило молчание вместо привычной франко-английской разноголосицы. Нас словно предупреждали о том, что грядет что-то важное, такое, которое пребудет вовеки. Озеро было без единой морщинки, как это часто бывает на закате, а его солоноватый запах был настолько знаком, что мы практически его не ощущали. Райан вывел нас к плавучим докам, ячейки которых качались у нас под ногами. Ни дуновения ветерка, восходящая луна отражалась в зеркальной глади озера идеально круглым пятном. В двухстах футах от нас швартовалась маленькая флотилия парусных лодок – скрипевшие фалы оскверняли своим шумом ночной покой.

Кто-то впереди меня споткнулся о край причала. Ноша упала из рук в воду.

– Мой фонарик!

– Тссс! – разом зашипели двадцать вожатых, всколыхнув ночь. Девочка десяти лет закрыла лицо руками, ее плечи дрожали. «Значит, не сегодня исполнятся ее желания», – по-

думала я, крепко сжав собственный фонарик, хотя и понимала, что моим надеждам тоже не суждено сбыться, а трепет в моем сердце был порожден скорее мыслями, нежели ожиданием.

Не сейчас…

Причал был расположен буквой U, этаким закругленным недоквадратом; если бы вы прошли по периметру, то снова оказались бы на пляже. На полпути, у большой спасательной пристани, Райан достал из кармана пластиковую зажигалку. Язычок пламени осветил его красивое лицо. В каждом летнем лагере был такой парень, как Райан – мальчишками он верховодил, а девчонки, в свою очередь, вешались на него. Когда лагерь Макау только начинал работу, у тогдашнего Райана в руке наверняка была бы «Зиппо», а изо рта свисала бы сигарета. Но на дворе был 1998 год: мы носили водолазки и шорты, а волосы у всех мальчишек напоминали вороньи гнезда.

Но свое дело зажигалка сделала.

Райан действовал быстро. Чтобы достичь наиболее впечатляющего эффекта, нам нужно было запустить в воздух фонарики одновременно. Когда я подошла к нему, то развернула свой так, чтобы надпись на стенке оказалась прижатой к моей толстовке: Райан был из тех парней, которые могли бы выхватить его из моих рук, чтобы прочесть желание. Прошлым летом, когда моя любовь к нему была в самом разгаре, он так и сделал. Но тогда я не посмела написать на

стенке фонарика его имя. Вместо этого сделала глупую надпись, что, мол, хочу научиться хорошо управлять виндсерфингом. Он предложил дать мне несколько уроков, но както не всерьез. А я тогда была лишь одной из его многочисленных обожательниц.

Но этим летом все было иначе. Я осмелела и написала то, чего – а вернее, кого – я действительно хотела. Но вместо того, чтобы попытаться прочесть надпись, он наклонился поближе и спросил: «Увидимся на Острове позже?

Все, что я могла сделать, это кивнуть, когда мое сердце подпрыгнуло в груди, словно лягушка на горячей сковородке. Он щелкнул зажигалкой. Зажег свечу, и я на мгновение прижала фонарь к себе, чувствуя, как жар просачивается сквозь тонкую бумагу. Я двинулась вперед, к причалу, ожидая, что фонарик начнет вырываться из моих рук. Когда это, наконец, произошло, я подняла его и отпустила, наблюдая, как он присоединяется к остальным; потом обогнула причал и ступила на твердую землю.

Когда все фонарики устремились в небо, Марго начала петь «Горящий огонь» своим сладким голосом-альтом. Мы пели поочередно на английском и французском, снова и снова; наши голоса поднимались и затихали, словно лодки на волнах.

Когда наши фонари начали скрываться в тумане, мы с Марго подошли к Боут-Бич. Держа каноэ за нос и корму, мы спустили его на воду, поправили налобные фонарики и за-

брались внутрь.

А потом мы поплыли на остров.

	Аманда	Марго	Райан
21:00	Церемония зажигания фонарей	Церемония зажигания фонарей	Церемония зажигания фонарей

Двадцать лет спустя
Пятница

Глава 1. Рутина

Шон

Для Шона Бута каждое утро, насколько он мог помнить, начиналось одинаково: он просыпался в маленькой комнате, кое-как упрятанной под водостоком; дешевые одеяла, под которыми он спал, обвивали лодыжки, ветер шумел в ветвях деревьев за его открытым окном.

Было 6:45. Всегда ровно 6:45. Ему не нужно было проверять время, он чувствовал его нутром. Шон немедленно встал. Бездельником его не назвал бы никто. У него был определенный распорядок, и он придерживался его. Минута уходила на то, чтобы снять полотенце со спинки кровати и обернуть его вокруг обнаженной талии. Еще несколько минут – душ в маленькой кабинке в конце коридора, сначала ледяной, а потом почти обжигающий. Он верил в пользу трехминутных обливаний – ни больше, ни меньше, причем «больше» означало расточительство. Он потер свой корот-

кий ежик волос бруском мыла «Дав», затем брусок попутешествовал по его груди и морщинам на теле. В сорок пять лет их у него было предостаточно, хотя все остальное выглядело почти так же, как и всегда. Он выключил душ, почистил зубы и вернулся в комнату в 6:52. Воспользовавшись старым полотенцем, он стер оставшиеся капли воды, затем надел свои выцветшие брюки-карго и футболку с длинными рукавами. Приближался День труда[2], так что утренний холод задержится надолго, вплоть до полудня, и он решил покрасоваться в одной из своих двух толстовок лагеря Макау.

Было 6:58 утра, когда он ступил на лестницу, которая привела его в главную комнату. Уже на пороге его встретил запах яичницы и чуть пережаренного тоста. Войдя, он помахал Эми. Теперь, когда туристы разъехались, из всего кухонного персонала осталась одна она. Осталась, поскольку ждала скорого прибытия новых гостей.

Он толкнул скрипучую дверь веранды. Несмотря на яркое солнце, на траве все еще оставался иней. Надо было бы скосить траву, но придется подождать, пока влага не испарится.

Он подошел к концу деревянного крыльца и осмотрел внутренний двор – площадку для игры в мяч, магазин скобяных изделий на другом конце, дорогу к Боут-Бич и Свимминг Бич. Столетние сосны создавали впечатление замкнутости, но это никогда не беспокоило его. Это был единствен-

[2] Национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.

ный дом, который он когда-либо знал, единственный дом, в котором ему хотелось жить, и мысль о том, что ему придется распрощаться с привычной рутиной и маленькой комнатой вверху этого домика, была слишком тяжелой. Слишком…

Нет, пока рано беспокоиться, пока ничего еще не произошло. Мистер Макаллистер обещал, что о нем позаботятся, а ведь до этих пор все, о чем говорил мистер Макаллистер, сбывалось с завидной точностью. Ему нужно быть терпеливым. И Господу ведомо, что он знает, как этого добиться.

Он поднял руку и схватился за потертую веревку колокола. Хотя будить было некого, он все равно дернул за нее, возвещая о наступлении дня. Он прозвонил восемь раз: по одному на каждый час, и еще один – специально для нее. Звон резал его уши, причем правое слышало уже не так хорошо после многих тысяч таких упражнений.

Ну и хватит. Ему надо было кое-чем заняться.

Приближались Макрели.

Глава 2. Ты не вернешься домой

Марго

Когда Марго Макаллистер остановилась в городе у «Макдональдса» чтобы позавтракать бургером, которого ей не хотелось, и кофе, в котором она не нуждалась, она поняла, что намеренно тянет время. Она могла сколько угодно убеждать себя в том, что ей на самом деле хочется всего этого, что она соблюдает традицию, но разве можно было с полным правом назвать традицией то, чем она в последний раз занималась двадцать лет назад?

Однако руль почти сам собой повернулся в сторону подъездной дороги, а желудок заурчал, напоминая об отсутствующем завтраке. Так она и оказалась на стоянке, где запах горелого жира моментально вытеснил весь свежий воздух из ее машины. Поедая бутерброд, Марго поражалась – неужели именно эти выходные заставят ее испытать чувство дежа вю? Это была одна из причин, по которой она попросила Марка не приезжать – ей не хотелось вешать на него свое прошлое или позволить ему понять, что оно по-прежнему довлеет над ней. Она давно поняла, что он не из тех, кто может отправиться куда угодно безо всякого предварительного сценария. Наоборот, он без конца причитал, спрашивая: «И

кто это опять был? или «Почему ты меня не представила? Одна мысль об этом уже утомляла ее, поэтому, когда он, наконец, предложил отправиться вместе, она отказалась. Это разозлило его так, что он даже не обернулся, чтобы попрощаться, когда она встала сегодня утром. Она разберется с этим, когда вернется. И без того с нее достаточно.

Вид с парковки «Макдональдса» был таким же, как и всегда. Грязная река, бетонный мост. Ряд туристических магазинов вдоль Мейн-стрит, забегаловка и прачечная самообслуживания, куда по выходным они ездили стирать одежду, в ожидании поглощая картофель фри и мороженое.

«Макдональдс» всегда представлялся ей этаким преддверием лагеря, ведь именно здесь останавливались родители Аманды, чтобы в последний раз угостить их, прежде чем бросить почти на целое лето. С тех пор, как ей исполнилось десять лет, ее родители разрешили ей оставаться с Амандой на пару недель, прежде чем начинался лагерный тур. Так он могла прибыть инкогнито, как это делали остальные. Тогда для «Макмаффина» было рановато, поэтому приходилось есть гамбургеры с картошкой фри. И они обычно сидели за одним из дряхлых столиков для пикника на неряшливо подстриженной лужайке, подставляя солнцу свою истосковавшуюся по нему за зиму кожу.

Но вид был таким же, и запах был таким же, и то, как в ее руке сморщилась бумага, в которую был завернут сэндвич – все было настолько знакомым, что она перестала заме-

чать покрасневшие листья на растущих поблизости кленах, и снова будто бы вернулось лето. Ей будто бы опять было семнадцать, что бы это ни значило и о чем бы ей ни хотелось забыть.

Она покончила с бутербродом, смяла бумажную обертку и снова завела машину. Радиостанция, которая составляла ей компанию по пути из Монреаля, была теперь почти полностью заглушена статическими разрядами, поэтому она настроилась на местную французскую FM-трансляцию – CIMO, как ее называли, причем ее мышцы сделали это почти рефлекторно. Сейчас там передавали «Поймай Джигги» Уилла Смита. Боже мой. Сколько раз во время своего последнего лета они танцевали под эту глупую песенку Смита? И не сосчитаешь. У Аманды была потрясающе развита мимика, так что она подражала ему не только танцем, но и лицом. А той ночью, когда они на веслах плыли к Острову, их «на-на-на-на-на» так и раздавались эхом от поверхности воды.

– Для вас – все самые лучшие хиты, – сказал диктор, когда песня закончилась. «Самое лучшее с 1998 года».

* * *

Покрышки колес машины Марго подняли облако пыли, когда она ехала по длинной грязной дороге к лагерю Макау. Прошло двадцать лет, но ничего не изменилось. Она напрочь

застряла в 1998 году, а тут еще эта радиостанция.

Словно слайд-шоу перед ней протянулась ее юность. Слева в лес уходила тропа, где она и Аманда впервые выкурили на двоих сигарету, и где их чуть было не застала ее сестра, Мэри. Она могла запросто настучать, так что пришлось прятаться.

Теперь она проезжала мимо амбаров, куда та же Мэри педантично являлась с наступлением рассвета, чтобы вычистить стойла и начать тренировать лошадей. Она проводила там столько времени, что сама начала издавать какой-то лошадиный запах. Мэри старалась приучить Марго к верховой езде, но сама Марго боялась этого как огня. Она изо всех сил халтурила, пытаясь ездить по возможности рысью, но, когда дело дошло до взятия барьеров, Марго сразу поняла – наездницей ей не быть.

Теперь у Мэри неподалеку была своя конюшня. Так что она явится не раньше, чем закончит утреннюю тренировку, и это было на руку. Пока Марго не была готова к появлению Мэри, которая всегда была серьезной до предела.

Она свернула на поросшую травой парковку. Тут же стоял старый, насквозь проржавевший грузовичок, некогда брошенный ее родителями. Она припарковалась рядом с ним и вытащила телефон, чтобы проверить сообщения. Вот же дерьмо. Ей нужно было сделать это еще в Магоге, пока она сидела в «Макдональдсе». Оказалось, что есть два непринятых сообщения от Марка. Владельцы соседней фермы упря-

мо отказывались от установки дополнительной вышки сотовой связи, так что, если уж речь пошла о технологиях, она еще острее почувствовала себя в 1998 году. Против установки вышки возражали и ее родители: по их мнению, для отдыхающих лучше, если вокруг них будет свободная от технологий зона. Возможно, Марго и согласилась бы с такой философией, но все равно это раздражало. Вряд ли Марк обрадуется, если она выпадет из зоны доступа на целых сорок восемь часов. Так что ей лучше не забыть позвонить ему со стационарного телефона, прежде чем он взбесится и отправит копов, чтобы узнать, куда это ее занесло.

Кто-то постучал в лобовое стекло. Она взвизгнула и уронила телефон на пол.

– Шон! Черт возьми, ты напугал меня до смерти!

Он обхватил ладонью правое ухо, а затем жестом предложил ей опустить окно. Она нажала кнопку. Стекло аккуратно вдвинулось в прорезь.

– Привет, Марго.

– Нельзя так подкрадываться к людям.

– А я и не крался. Шел прямо через парковку. Ты что, не видела меня?

– Нет, возилась с телефоном.

Она наклонилась и подняла его, вытирая с экрана налипшую на полу грязь. В машине, как часто и раздраженно напоминал ей Марк, давно уже следовало прибраться. Но почему-то в голове его голос звучал враждебно. Почему так про-

исходило, она не понимала. Она же любила его.

– Здесь мобильники не очень-то берут, – сказал Шон. Руки он засунул в карманы штанов. Волосы его были все того же оттенка спелого апельсина, хотя стрижка стала значительно короче. В молодые годы его кудри были длинными, а детишки за глаза называли его «Клоуни».

– Я заметила, – сказала Марго.

Он пожал плечами и остался стоять на месте. Она же чувствовала себя как в ловушке. Ей хотелось выбраться из машины, но перспектива долгой и уклончивой беседы с Шоном ее вовсе не прельщала. Эта беседа ничем не смогла бы помочь – от Шона вряд ли было проку больше, чем от старого теннисного корта. Ее родители обращались к нему, когда протекала крыша или докам угрожало затопление, но у нее, как правило, его общество вызывало мороз по коже. Хотя возможно это были всего лишь воспоминания о той поре, когда ей было тринадцать, и о том взгляде, что она ощущала на себе каждый раз, когда он считал, что она не следит.

– Сейчас я открою дверцу, – сказала она. Он сделал шаг назад. Она решила оставить окно приоткрытым, чтобы машина хоть немного проветрилась. Солнце уже начало греть, но пока не жарило. Она вдыхала запах сосен, пыли, ржавчины. Такие родные запахи.

– Вот это туфельки, – сказал Шон.

– Ты о чем? Ах, об этом? Да, забавная обувка. На ее ногах были новые кроссовки, которые она купила накануне.

Она готовилась к марафонскому пробегу, и этой обуви через три недели предстояло серьезное испытание. Но она слишком долго подгадывала момент, так что, когда наконец добралась до магазина, все, что ей смогли предложить – это пару ярко-розовых тапок с оранжевыми вставками. – Я, знаешь ли, думала, что их быстренько покроет грязь, так что мне не придется больше видеть, какого ужасного они цвета, – сказала она.

– Этим летом не так уж грязно.

– Да, я заметила.

Он потянулся на заднее сиденье и взял ее сумку. Она досталась ей по наследству от деда по материнской линии много лет назад, и кожа была уже изрядно потрепанной.

– Я сама.

– Не-а. Знаете ли, мистер Макаллистер хотел бы, чтобы я позаботился о вас, как всегда.

– Можешь называть его Питом. Он ведь сам сколько раз тебе об этом говорил.

– Не могу, это неправильно.

Марго прикусила язык. Она никогда не понимала, почему Шон относится к ее родителям так, словно он был их крепостным. Но, тем не менее, препоручила ему сумку и доверила отогнать машину с парковки.

– Я отведу вас, а также Кейт и Лидди в хижину учителя-француза, если вы не против. Может, вы хотели остаться в доме…

– Нет, все в порядке.

Они подошли к теннисному корту по аллее, усаженной высокими соснами, источавшими приятный аромат смолы. Серая глина, устилавшая корт, потрескалась и побледнела – очевидно, давно не было дождя. И снова перед Марго закрутилось слайд-шоу. Прямо за кортом, глубоко в лесу, находилась хижина для персонала, где она провела множество ночей, выпивая, куря и болтая обо всякой чуши. Поодаль от противоположной стороны корта располагалась хозяйственная хижина – там обретались подростки, занимавшиеся техническим и санитарным обслуживанием – рассадник гормонов. Именно там она и подарила свою девственность Симону Воклеру летом, когда ей было шестнадцать. Немногим позже, задыхающимся от волнения шепотом она поведала об этом Аманде. Тогда Аманда понимающе кивнула, хотя Марго точно знала, что та все еще девственница, причем этим своим даром она намерена поделиться исключительно с Райаном. Помимо этого Марго было известно, что намерения ее подруги было заведомо безнадежными, поскольку ее брат никогда не уделил бы той свое время.

Сохранить ЭТО для Райана. Звучит как пошлое название фильма категории «Б». Однако первое, что, увидела Марго в кинотеатре после того случая, оказался фильм «Спасение рядового Райана», и она проревела все время, пока длилась картина. Причем даже не могла объяснить, почему она это делала. Но Аманда, скорее всего, поняла бы ее.

Однако теперь задавать себе подобные вопросы было уже слишком поздно.

– Все в порядке? – спросил Шон. – Хижина и все такое…

– Сказала же, что да.

– Просто уточнил, расслабься.

– Расслабься? Слушай, Шон, ты когда-нибудь вырастешь?

– В смысле?

Они уже вышли на дорогу. Дом ее родителей маячил позади нее, хотя она даже не обернулась, чтобы посмотреть на него. Это было последнее место, где она их видела, прежде чем однажды весной они умерли.

– Ничего… Это просто так на меня лагерь действует. А почему ты сам до сих пор торчишь здесь?

– Я здесь, потому что несу вашу сумку.

– Нет, я о том, почему ты *живешь* здесь, в этом самом лагере.

– Это мой дом.

– Это не так.

Шон уронил сумку на дорожку, отчего поднялось небольшое облачко пыли: —Зачем вы так? Я вам ничего не сделал!

Марго понимала, что была не права, поступив как полная дура. Но она была измотана чуть не с самого начала дня. Дом, пустой дом ее родителей, завлекал ее, словно протягивал ей руку, обещая превратить ее в ту, кем она когда-то была. Той, которой она была одним далеким летом. И, приходится признать, она уже совсем не та девушка. Иногда у нас

нет выбора, кем быть.

– Прости, Шон. На меня это место так действует.

– Место? Вы не можете обвинять место в своем поведении!

– Разве нет?

Он раскачивался с мыска на пятку. Он проводил все лето на солнце и выглядел на все свои сорок пять.

– Знаешь, твои родители всегда очень тепло ко мне относились.

– Я очень горжусь ими за это.

– Только за это?

Наконец она оглянулась. Их дом был сделан под ранчо 1950-х годов и никогда не вписался бы среди отделанных белой вагонкой и крытых темной черепицей домиков, что были разбросаны по двум сотням акров вокруг озера.

– Так ты этого хочешь?

– Чего?

– Тебе нужен дом? Хочешь остаться и жить тут?

– Я никогда…

Внезапно раздался гром автомобильной стереосистемы, который прямо-таки обрезал речь Шона. Они обменялись взглядами, но им не нужно было говорить, чтобы понять – прибыл Райан.

Глава 3. Снова в черном

Райан

«Снова в черном»[3]. Под звуки рока, которые выплевывали динамики его Audi A3, появился Райан Макаллистер, которому недавно исполнилось сорок, но при удачном стечении обстоятельств он мог сойти и за тридцатипятилетнего. Машиной этой он обзавелся пару месяцев назад, и только что успел установить аудиосистему. Его жена, Кэрри, когда он приехал домой на этой колымаге, подумала, что у мужа наступил кризис среднего возраста, ну или что-то вроде того. Он купил эту машину в кредит, вместо более разумного CRV, о покупке которого они договаривались. Но когда он на тест-драйве выехал на пустую трассу и набрал бешеную скорость, он стал чувствовать себя значительно лучше. И если тачка помогала ему справиться с этим чертовым кризисом, то пусть уж лучше она у него будет.

Впрочем, ничего в этом его кризисе нет удивительного. Последняя пара лет была паршивой – его деловой партнер оказался преступником, бизнес рухнул, что зацепило и Кэрри, и ее родителей. Но в эти выходные все должно было изме-

[3] Один из самых знаменитых альбомов группы AC/DC (*прим. перев.*)

ниться. Огласят завещание, будут приняты все необходимые решения, и у Райана снова будет все в порядке. Он сумеет спасти свой бизнес. Он опять сделает Кэрри счастливой, потому что вновь окажется способен на мелочи, который были ей так желанны – отремонтировать дом, взять семейный отпуск, чтобы он проводил больше времени дома, а не в своем офисе. Это же брак, верно ведь? Именно так называется адаптация к желаниям и потребностям друг друга? По крайней мере, так утверждал их семейный психотерапевт.

Какие тут, к черту, шуточки? Ну и пусть у него будет стерео, которое орет, как тысяча чертей, и машина, на которой он сможет гонять как угорелый. Понимаете ли, жизнь стала походить на висящий на шее камень. Вовсе не потому, что он не любил свою семью. Еще как любил.

Все это из-за лагеря, его семьи, его сестер. Ему нужно избавиться от всего этого, от них всех. Только тогда он снова сможет двигаться вперед. Если бы только он мог освободиться от своего прошлого. И стать хоть чуть лучше как отец, муж, мужчина.

Но разве AC/DC сквозь эти динамики не звучали просто адски круто? А Брайан Джонсон – просто настоящий черт, вот кто.

Райан позволил песне закончиться, прежде чем заглушить двигатель. Остановился он рядышком с потрепанной «Акурой» Марго. Он раздражался от того, что его сестра ездит на какой-то развалюхе. Марго была самой красивой из его

сестер, но в последние пять лет стала сдавать. Не по старой доброй традиции – растолстеть, для этого она слишком часто и помногу занималась бегом. А иначе, и для Райана это имело особое значение. Она перестала посещать светские рауты, а потом и вовсе начала встречаться с неким Марком, которому не светила даже должность завуча в той школе, где он преподавал.

Он понял, что Марго опередила его. Даже, пожалуй, мог это заранее предсказать. Если бы ему пришлось делать ставки, он бы предположил, что его сестры появятся в следующем порядке: Марго, Лидди, Кейт и Мэри. Но две первые, скорее всего, примчатся быстрее всех.

Пунктуальность была присуща и Райану. Так что он успел как раз вовремя для того, чтобы потолковать наедине с Марго, перед тем как встретить и принять на борт всех остальных.

Но где же, в таком случае, она была?

Он закрыл глаза. Если бы он был Марго, где бы он оказался сейчас?

Он вышел из машины и схватил свою сумку с заднего сиденья. Свернул налево, пройдя по лесной тропинке, которая привела его в дом его родителей. Он подошел к главному входу – непритязательного вида двери, от которой вел небольшой бетонный спуск, и позволил себе войти, поскольку ключ у него был. Мебель была укутана в простыни, словно ничего более ценного в доме не было: Ничего из меблировки

они явно не собирались передавать на благотворительность. Он бросил сумку в своей спальне. Ее стены были окрашены в темно-синий цвет; это была единственная комната во всем доме, в которой не было ни следа пребывания его сестер.

В кармане загудел телефон. Вообще-то в лагере связь была отвратительной, но, когда он покинул Кэрри и остальных два лета назад – только из-за того, что ему было нужно срочно проветрить мозги, он установил здесь Wi-Fi, пароль от которого был известен только ему.

Тем летом он и узнал, что его партнер Джон Риланс, оказывается, спер их деньги. Почему-то все самое дерьмовое происходило именно летом. Когда дни становились длиннее, он терял покой, пока не наступала темнота, и не наставало время покинуть офис.

Он прочитал сообщение. «*Ты говорил с Марго?*» – писала Кэрри.

Райан нашел в гостиной телефон и позвонил ей на сотовый. Телефон был старым, из тех, на которых были диски для набора номера. Такой рухляди, на его взгляд, место было исключительно в музее. Райану потребовалось три попытки, чтобы без ошибок набрать номер Кэрри.

– Ты нормально добрался? – спросила она. Райан запросто представлял ее, стоящую в их ослепительно белой кухне посреди полок со всевозможными приправами. По пятницам она всегда наготавливала на неделю вперед, чтобы не отвлекаться на кухарничание по выходным. Такова уж была Кэрри

– она продумывала все до мелочей.

– Нормально.

– Где ты?

– Дома.

– И что, там уже вечеринка?

– Не волнуйся. Здесь только Марго.

– Но ведь и Шон наверняка там же? Это очень важно. Может, мне тоже стоит прийти?

– Мы сумеем поладить. В конце концов, это моя семья, так что я сам справлюсь.

– Хорошо. Только не облажайся.

Райан опустил трубку и постучал ей по столу. И это вместо того, чтобы выбросить этого телефонного динозавра прямо в окно, даже не раскрывая его, что он однажды и сделал лет двадцать назад, когда был совершенно неуправляемым юнцом. Вот почему он пришел сюда, когда случилась та история с Джоном. У Кэрри было много замечательных качеств, но вот позволить ему в одиночку копаться в собственном дерьме она не могла.

– Не собираюсь.

– Ведь это и моя жизнь, Райан. Мое будущее. Будущее наших детей.

– Я прекрасно понимаю, что все это значит.

– Ну и хорошо. И, пожалуйста, не наезжай на Марго, если вдруг решишь выпить.

Райан заметил ее как раз тогда, когда Кэрри произнесла

ее имя. Она шла к хижине, из окон которой открывался вид на озеро. Они всегда называли ее «хижина учителя-француза», поскольку летом там жил друг их родителей. Он должен был преподавать американским туристам французский язык, но так как его французский ограничивался заказами в ресторанах, план провалился, как и многие другие, которые ее родители пытались предпринять, чтобы превратить лагерь в сколько-нибудь доходное предприятие. Друг семьи покинул хижину в конце лета, кличка же прижилась.

– Я не собираюсь связываться с Марго. Хотя, с другой стороны, выпить…

– Ты и перед похоронами говорил то же самое. А восемью часами спустя вы сидели в обнимку перед костром и бормотали: «Я тя люблю, чувак».

Марго обернулась и что-то сказала кому-то, кого от его взгляда скрывало дерево. Потом стало видно обоих. Оказалось, что это Шон. Райан не удивился: Шон всегда увивался вокруг Марго с тех пор, как они были детьми. Аманда постоянно дразнила ее этим, говоря, что однажды та все-таки выскочит за него замуж. Впрочем, Марго только смеялась – все, включая Шона, знали, что подобного никогда не произойдет. С одной стороны, она вела себя не очень хорошо, с другой – такое поведение было опасно.

Ни один мужчина не любит, когда над ним смеются.

– Ничего подобного, ты перевираешь, – раздраженно сказал Райан. – Никогда мы не обращались друг к другу «чувак»

и все прочее.

– Ну и что?

– Ты говоришь прямо как наши девчонки.

– Наверное, это заразно.

Райан улыбнулся впервые с тех пор, как выключил кондиционер. Три дочери были любовью всей его жизни. Может быть, они с Кэрри и завели их только потому, чтобы справиться со всей этой ерундой. Для своих девочек он пойдет на все, хотя, скорее всего, большинство его знакомых удивились бы, узнав о подобных чувствах с его стороны. Хотя по пьяни он и любил отколоть что-то вроде «Чувак, я тя люблю!», особых сантиментов от него никто и никогда не ждал.

– Но только в хорошем смысле, – сказала Кэрри.

– Согласен.

– Ведь мы живем только ради них.

– Именно так.

– Держи меня в курсе.

– Да тут до сих пор нет сигнала.

– Но ты ведь можешь пользоваться домашним интернетом?

– Как ты…

– После похорон я обнаружила, что в доме связь есть. А пароль ты подобрал – проще некуда.

– Ну и дела. Впрочем, спасибо.

– Смени его.

Прежде чем повесить трубку, Кэрри настояла, чтобы они

еще раз пересмотрели свой план. Пока она говорила, Райан смотрел, как Марго обходит хижину. Вскоре в гостиной включился свет. Через окно было видно, как Марго распаковывает вещи в одной из спален. И насколько же проще было наблюдать за ней, чем следить за тем, что происходит в лесной темноте позади хижины.

Там было Озеро. И, конечно же, Остров.

Аманда

22 июля 1998 года, 22:00

Остров был идеальным кругом земли посреди озера. Если взглянуть на него с Боут-Бич, то казалось, что он находится в двух шагах, однако требовалось целых полчаса, чтобы добраться туда на лодке, если уж так хотелось заночевать там. Обитателей лагеря саму Мэри, шестнадцатилетнюю сестру Марго, носившую титул «подготовительного вожатого», на Остров в спасательском катере перевозили сразу четверо во главе с Шоном, занимавшим должность распорядителя.

Я чувствовала себя измотанной и утомленной. Такие ночевки больше нравились мне, когда я была еще ребенком. Мы разводили костер, жарили зефир и доставали вожатых угрозами, что отправимся в лагерь вплавь. Как-то летом, когда нам с Марго было по четырнадцать, в три часа ночи к нам в домик завалилась компания мальчишек, которые настаи-

вали пойти купаться голышом. Нас застал вожатый, услышав громкий шепот. На следующее утро мистер Макаллистер пригрозил позвонить нашим родителям и отправить нас всех по домам. Это же надо – какие-то мальчишки пытались куда-то выманить его дочь прямо посреди ночи. Подобное было недопустимо.

Он всегда так говорил, цитатами которых он нахватался в колледже. Постоянно твердил, что он преподаватель английской литературы, а не руководитель колонии для несовершеннолетних. Но потом умер его отец. В возрасте двадцати восьми лет мистер Макаллистер унаследовал лагерь, и ему стало уже не до того. Где-то я слышала, что он собирался его продать, но это было невозможно из-за какого-то трастового фонда. На мой взгляд, это поставило его в тупик.

Тогда и начали отменять ночевки, но потом, похоже, вмешалась мама Марго. Сидение у костра, когда наши тела представляли собой идеальную пищу для комаров, по ее мнению, помогало воспитывать характер. Вдобавок это была местная традиция. Мама Марго вообще была падка на всякого рода традиции. Так что ночевки продолжались, хотя и планировались уже более тщательно.

Совсем другое дело, если во время ночевок вы были вожатым. Хорошо не спать всю ночь, если тебе двенадцать, но ничего хорошего не было в том, чтобы подниматься чуть свет на следующий день и уже в девять утра учить десятилеток парусному спорту. Большинство вожатых всячески ста-

ралось избегать подобного. Но после той ночевки у меня была особая причина для волнения – Райан.

Мы разложили подстилки, развели костер, помогли детям перетащить с пляжа свои сумки. Обитательницы лагеря – девчонки по десять-одиннадцать лет – легкомысленно хихикали, когда Марго пыталась заинтересовать их рассказами о движении созвездий. Когда мы попрощались с Шоном, все уселись вокруг гудящего пламени костра – мы подали девчонкам горячий шоколад, а после карманными ножами настругали палочек, на которых можно было печь зефир. Я крутилась вокруг с баллончиком репеллента, обрызгивая каждую присутствующую с ног до головы, чтобы на телах не осталось ни дюйма свободной от спрея кожи.

Все это я совершала механически. Единственное, о чем я думала – Райан, Райан Макаллистер, Райан, Райан, Райан. Мысли о нем так поглотили меня, что я даже назвала Райаном девчушку по имени Клод. Оказалось, что она из тех, кто не просто закатит глаза от подобной ошибки, но громко завопит. Так что я сказала, что просто ошиблась, но имя «Райан» по-прежнему не выходило у меня из головы. Я взглянула сквозь пламя на Марго – та сидела, наигрывая на гитаре какую-то французскую попсу. После этого я приказала себе сосредоточиться, а то, не ровен час, меня спалят.

Марго наверняка не знала, что моя любовь к Райану перешла от просто желания к желанию, которое могло исполниться. Я замечала, как она смотрела на меня, пока я вспо-

минала о нем. *Близок локоть, да не укусишь, Аманда Бин.* Ей даже не нужно было произносить это вслух. Мне самой так думалось. И до того лета она была права. Райан никогда не обращал на меня внимания. Я была для него просто еще одной противной подружкой его сестры. Но теперь что-то изменилось. Он смеялся над тем, что я говорю, даже когда в моих словах не было ничего смешного. А когда однажды в субботу вечером мы танцевали в хижине, он положил руку мне на спину и стал поглаживать сквозь ткань, пока у меня не закружилась голова.

И теперь Райан собирался встретиться со мной.

Я еще точно не понимала, чего хочу, но точно знала, что хочу. Хочу ЭТОГО, чем бы оно ни было.

	Аманда	Марго	Райан	Мэри	Шон
21:00	Церемония зажигания фонарей	Церемония зажигания фонарей	Церемония зажигания фонарей		
22:00	На Острове	На Острове		На Острове	На спасательной лодке

Глава 4. Те, о ком всегда забывают

Лидди

Лидди Макаллистер подождала, пока Райан повесит трубку, прежде чем поставить свой телефон обратно в зарядную рамку.

Она находилась в подвале дома ее родителей и лежала на кровати, в которой часто спал ее отец, если только не удосуживался подняться по лестнице к матери. Мысленно она улыбнулась. Прошлой ночью она обнаружила его тайник, выкурила полкосячка, прежде чем уснуть, а поутру встала, все еще наслаждаясь мягким и приятным шумом в голове.

Никто не знал, где сейчас находилась Лидди. Ей нравилось это чувство и та свобода, которую это чувство давало. Когда она была маленькой, одной из самых младших детей в большой семье, то сильнее всего ненавидела, если ее не замечали. Но потом она повзрослела и осознала силу подобного навыка. Она сознательно взращивала его в себе. Ведь самое интересное слышат именно невидимки. И видят тоже. Если ты – такой «невидимка», то любой может растрепать тебе самое сокровенное, потому что ты для него пустое место, и вроде как никак не сможешь использовать рассказанное в своих интересах.

Например, однажды она пришла в бар, напялив на себя старушечий костюм, который она по дешевке приобрела в комиссионке, и какой-то мужик, подсев к ней, рассказал, что он убийца. Долго растолковывал, что и как он делал, но не назвал ни одного имени: «На всякий случай, – говорил он. – Если я вдруг не тому человеку доверился». И она восхищенно продолжала слушать, хотя наверняка он врал, а потом он спросил, как ее зовут, и она назвалась левым именем. И потом еще целый час после того, как он ушел, она сидела в баре, пытаясь прийти в себя. Уж будьте уверены, она больше никогда не зайдет в эту тошниловку – ведь тот, кто назвался Бобом, проснувшись на следующее утро, может начать ее искать.

Что за странные мысли приходят ей в голову этой ночью.

Она села. В комнате было темно. Окна, упирающиеся в самую землю, были закрыты жалюзи. Когда ее отцу хотелось укрыться от мира, он хотел быть невидимым даже для солнца.

Лидди подумала о разговоре, который она только что услышала. Что за идиоты эти Райан и Кэрри, если они позволяют себе открыто обсуждать свои планы даже после того, как она сама упомянула о возможной прослушке. Но не стоит забывать, что речь идет о самом Райане. Который всегда считал себя непобедимым, словно любой каприз жизни никак не мог его коснуться. Даже когда дела шли из рук вон плохо – вроде как в тот раз, когда Джон Риленс забрал почти

все его деньги – он вел себя так, будто все это происходит не с ним, а с кем-то еще. А о том самом случае он иногда даже говорил в третьем лице: «Когда Райана предал Джон». И звучало это, по меньшей мере, странно.

Странной считали и ее саму. С ее стрижкой под мальчика, мужским же прикидом и тем фактом, что она никого не знакомила с теми, с кем встречалась. А когда по телеку начали показывать тот сериал, «Очевидное», большинство и вовсе стало считать ее трансом. Причем поначалу ее принимали за лесбиянку. Но она не была ни тем, ни другим, хотя частенько экспериментировала в сексе. Однако секс был тут ни при чем. Одежда была ее щитом. Вдобавок мужские шмотки были гораздо удобнее женских, к тому же имели множество карманов. Часто Лидди думала, что, если бы другие чаще задумывались о смысле карманов, то наверняка стали бы лучше ее понимать.

Она оделась и почистила зубы в ванной комнате в подвале, не переставая размышлять над тем, чего все-таки собирается добиться Райан. В конце концов, их родители, которые, может, и хотели умереть в один день, вовсе не планировали сделать это в сошедшем с рельсов поезде, хотя отец, по всей видимости, заранее предусмотрел даже подобный исход. Семейный адвокат, Кевин Свифт, сообщил им после похорон, что данные ему отцом инструкции совершенно недвусмысленны – лагерь в первое лето после его смерти будет продолжать работу. После окончания сезона, когда будет упакована

последняя сумка, а слезы детей, к которым наконец-то приехали родители, высохнут, можете хоть вслух зачитывать завещание и решать, как поступить дальше.

Сохранить это место или продать его. С этим выбором им и пришлось столкнуться.

Ее отец, конечно, частенько витал в облаках, но мысль о том, что пять человек смогут прийти к единому решению насчет судьбы земельного участка стоимостью в миллионы долларов, даже для него выглядела слишком наивной. Выбор Райана был очевиден. Марго и Мэри тоже. Кейт трудно было читать, но, судя по всему, она придерживалась того же мнения, что и Райан.

А Лидди? Скажем так – она собиралась выждать, чтобы понять, куда ветер дует, а потом уже определяться. А может, она просто впишется в эту колоду джокером, чисто для удовольствия.

Не впервой ведь.

* * *

– Господи, Лидди. Ты напугала меня до смерти.

Лидди хихикнула. Райан прямо подпрыгнул, когда она подкралась к нему на кухне, где он готовил кофе, и тихо произнесла: «Привет». А потом: «Расслабься. Ты всегда так напряжен».

Райан потянул за воротник своей строгой рубашки.

Неужели он считал ее подходящей для работы в лагере? Неужели он пытался произвести на кого-то впечатление? А может, это был просто сигнал, который должен дать понять – предстоит деловая встреча?

– Просто голова забита, понятно?

– Понятно.

– Постой-ка… Ты когда приехала?

– Прошлой ночью.

– И спала здесь?

– Ну. И что с того?

– Мы так не договаривались.

Лидди оперлась о старую стойку «Формика». Ее потрескавшиеся края вонзились ей в спину.

– Отстань, это ведь мой дом. Я могу приходить и уходить когда захочу

– Это мы еще посмотрим.

– Ты мне что, угрожаешь?

– Нет.

– А, похоже, будто да. Я-то в курсе, что ты задумал.

Его лицо начала заливать краска. Возникало ощущение, что его душит воротник рубашки, который внезапно стал на пару размеров меньше.

– Как ты только могла… Ты же все-таки подкрадывалась. Что, подслушивала внизу на лестнице?

– Да нет же, неудачничек ты мой. Просто я тебя хорошо знаю. Ты ждешь – не дождешься, чтобы отхватить свою до-

лю из тех миллионов, которые мы получим, когда, наконец, продадим эту землю.

– А ты в курсе, сколько она может стоить?

– Я же не идиотка. Вдобавок вы десять лет подряд только и толкуете об этом.

– И что, тебе не хочется ее продать?

– С этим я пока не определилась.

– Лидди…

– Чего?

– Нам нужно понимать, что мы все в одной лодке.

– Поглядим. Мы же не знаем точно, что сказано в завещании?

Он быстро моргнул – верный признак того, что он нервничал.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Не тешь себя надеждами, что все получится так, как ты задумал.

Откровенно говоря, Лидди и сама в глаза не видела завещания, но Райану знать об этом было ни к чему. До чего же весело было смотреть, как он прямо ужом извивается.

– Тебе известно что-то, чего не знаю я?

– Обычно так и бывает.

Двумя быстрыми шагами он подошел к ней вплотную, крепко схватив за руку. От него несло вчерашним перегаром и потом.

– Ай! А ну отпусти!

– Говори, что ты знаешь.

Она понимала, что в первую очередь ей должно было стать страшно, но пока что единственным ее чувством было раздражение. Райан всегда недооценивал ее, а потом злился, когда обнаруживал свою ошибку, словно именно Лидди была виновата в том, что он не мог понять ее сейчас.

– Отпусти, Райан, или ты пожалеешь об этом.

Он горько рассмеялся.

– И кто теперь кому угрожает?

– Я серьезно. Отпусти меня, или…

– Или что?

Он усилил хватку.

– Какого черта, Райан?

Она быстро, изо всех сил впечатала колено ему в пах. В нем было целых шесть футов, а в ней – всего пять и два дюйма, но она посещала уроки самообороны и тысячи раз отрабатывала этот удар на манекене, чем-то смахивавшем на дутого человечка с рекламы «Мишлен». Но ей раньше и в голову не приходило, что подобный приемчик ей придется выдать своему братцу.

Он отпустил ее руку и со стоном упал на пол. Свернулся в позе зародыша, зажав руки между ног. Лицо его посерело, а на лбу выступили капельки пота.

Неужели она так сильно ему врезала? Нет, ерунда. У нее на руке наверняка останутся синяки в том месте, где он схватил ее. Он заслужил то, что получил, тупица.

– Говорить можешь?

– Лед, – прошипел он сквозь зубы. – Принеси мне льда.

– А может, будет полезнее дать тебе в полной мере ощутить, что значит страдать?

– Я уже почувствовал. Господи Иисусе.

Стоя над ним, лежащим на полу, она видела, как жалко он выглядел. Нужно сказать, что в своей обычной жизни она никогда так не поступала.

– Так из-за этого Кэрри тебя и выгнала? За то, что ты избивал ее?

– Я ее и пальцем не трогал. И она меня не выгоняла.

– Ну конечно.

– Лидди, пожалуйста. Мне жаль. Извини, что схватил тебя. Это ни в какие ворота не лезет, черт его знает, что вдруг на меня нашло. Но, пожалуйста, принеси немного льда.

– Ладно.

Лидди подошла к пожелтевшему холодильнику. На нем все еще было полно наклеек и магнитиков – артефактов детства. Глупые снимки из «Крафт Шопс». Их старые фотографии. Даже древний список покупок, составленный ее отцом: «*Настоящие овощи!*» – что бы ни это ни значило. Не хватало только одной фотографии, на которой была запечатлена вся их семья. Наверняка где-нибудь валялась еще одна, но она, хоть убей, не могла вспомнить, где она могла ее видеть.

Она открыла морозильник и достала пластиковый поддон. Ванночки были заполнены лишь наполовину, ну да ладно, и

так сойдет. Она вытряхнула содержимое на полотенце, собственноручно сшитое ее матерью много лет назад – кусочек радуги, который всегда выделялся в этой обшарпанной кухне. Почему-то, когда она заворачивала лед, ее охватила ностальгия. Не по матери, но по тем временам, когда все они были детьми, и когда еще существовала надежда на то, что они вновь станут счастливой семьей.

– На, – сказала она, протягивая ему сверток. – Тебе же это было нужно?

Глава 5. Предпоследний поворот

Марго

Когда Марго вошла на кухню своих родителей, то увидела, что ее брат валяется на полу, прижимая к паху мокрое полотенце, а над ним возвышается Лидди, уперев руки в боки, словно только и ждет, как бы его отчитать покрепче.

– Не прошло и часа, а у нас уже раненый, – сказала она. – Просто фантастика.

Лидди повернулась. На ней были мальчишечьи джинсы и клетчатая рубашка, застегнутая по самую шею. На каждой руке у нее была татуировка, а волосы коротко подстрижены, как у Тома Круза в «Рискованном бизнесе». Марго никогда не понимала, почему Лидди так одевается, но сама считала, что Лидди думает о том же, когда смотрит на ее брюки цвета хаки и кашемировую блузку от Л.Л.Бина.

– Привет, Марго.

– И тебе того же. А еще мне хотелось бы спросить – какого черта?

– Я двинула ему по яйцам.

– Чего? Зачем?

– Потому что он вел себя как козел.

Марго наклонилась к Райану. Он уже весь вспотел, и запах

этого пота был землистым и неприятным, прямо как в его комнате, когда он был подростком. «Запах мужчины», – так она это называла. Правда, от Марка таким запахом никогда не несло.

– Ну и что, ты так и будешь там лежать?

– Очень вероятно.

– Тебе бы лучше привести себя в порядок. Мне думается, что ты захочешь поговорить, прежде чем сюда приедет Свифт.

– Он перевернулся на спину.

Ах, этот ублюдок.

– Она здорово тебя проучила, а?

– Может, я слегка перестаралась, – сказала Лидди.

Марго встала.

– Похоже на то.

– Но жить-то он будет.

– Ты можешь нормально рассказать, что тут произошло?

Лидди пожала плечами.

– Да какая разница?

– А я вот думаю, что еще какая. Ты когда приехала?

– Прошлой ночью.

– Шон знает, что ты здесь?

– Не-а.

– А почему ты не сказала ему?

– Он наверняка уже спал, когда я тут оказалась.

– Откуда тебе об этом знать?

– Потому что он всегда ложится спать в десять.

Она наклонилась к Лидди. Та пахла словно отец: марихуаной и кофе.

– Значит, ты просыпалась и кое-чем занималась, а?

– Чего?

– Ладно, забудь. Но тебе нужно было сообщить Шону о своем приезде.

Лидди рассмеялась.

– Ну ничего себе. Слышишь, Райан? Оказывается, Марго волнует, что по этому поводу думает Шон.

– Заткнись.

– Да ладно, брось. Будь так добра, поведай мне, какие почести мне нужно было оказать Шону.

Райан сел.

– Эй, вы, хватит уже трепаться.

Лидди окинула взглядом Райана и Марго.

– Ну и ладно. Какая разница. Можешь быть на ее стороне. Это не новость.

Она повернулась и вышла из кухни.

Марго протянула руку Райану, чтобы помочь ему подняться. Он ухватился за нее и кое-как встал на ноги. Полотенце упало. Полурастаявший лед рассыпался по грязному линолеуму, устилавшему пол.

– Значит так, – сказала она. – Пока все идет хорошо.

* * *

Двадцать минут спустя Марго сняла большую часть простыней с мебели и открыла жалюзи – перед ней предстали сосны, трава и стеклянная поверхность озера. В доме гостиная занимала самую высокую точку, поэтому весь путь до острова и противоположного берега был виден как на ладони. Ей никогда не надоедал этот вид. Тем не менее, когда пришло время подыскать свой собственный дом она остановила свой выбор на квартире в центре, единственной достопримечательностью которой была возможность наблюдения за погодой – сорокаэтажное здание тонуло в облаках. Марк же хотел приобрести дом на Западном острове, невысокий такой, площадью в пол-акра, но, выслушав его мнение, Марго решительно топнула ногой. Она вовсе не собиралась ежедневно тратить по два часа на проезд из конца в конец только ради того, чтобы иметь удовольствие косить лужайку перед милым загородным домиком.

Она перестала глазеть в окна. Райан сидел в выцветшем ситцевом кресле у камина. Иногда он неловко передвигал пакет со льдом, вернувшийся в промежность. Она не видела Райана с самых похорон. Волосы его были по-прежнему черными, а лицо все еще красиво, правда, теперь это лицо словно затвердело, чего раньше не замечалось. Словно, когда ему стукнуло сорок, стерся последний налет детства, и

страница на эту тему оказалась навсегда закрытой. Впечатление усиливало то, что он, как ни странно, был облачен в костюм, пусть даже и распустил галстук, плюс к тому брюки его изрядно помялись и намокли.

– Что ты сделал с Лидди?

– А почему ты решила, что я с ней сотворил что-то эдакое?

– Если бы ты просто вел себя, как болван, она не врезала бы тебе. К подобному ей не привыкать.

Он покачал головой, и Марго поняла, что ответа не добьется. Члены ее семьи как никто умели хранить тайны.

– Свифт скоро будет здесь, – сказала она. – Может, хочешь поговорить, пока он не явился?

Он согнулся и наморщил лоб.

– Ты будешь поддерживать меня в намерении продать эту собственность?

– А почему ты так уверен, что решение по этому поводу будет приниматься голосованием?

– Папа всегда говорил, что мы унаследуем это место, когда ни его, ни мамы уже не будет на свете, и потом уже нам вместе решать, как с ним обратиться. Каким же еще образом пятеро людей могут прийти к одному решению?

– А ты не думаешь, что за все эти годы папа мог изменить свое решение? Ты ведь знаешь цену его обещаниям.

– Знаешь, пока он был жив, то одинаково ненавидел всех нас. С чего бы ему изменить свое отношение после смерти?

– Никогда он нас не ненавидел. Он просто не…

– Не… хотел нас? Знаешь, что-то слишком много раз он прокалывался, если причина только в этом.

Она сидела на диване на том самом месте, где любила сидеть ее мать. Цветы на обшивке потускнели, а одна из подушек все еще хранила след маминой спины. Марго даже удивило то, как идеально поместилась ее собственная спина в эту уютную выемку – ведь для нее мать почти всегда была скорее неким бесплотным образом. Что бы это могло значить? Она что, собирается превратиться в собственную мать?

– Выходит, ты ошибся.

Он вздрогнул. Их родители поступали, на ее взгляд, весьма странно, никогда не скрывая того, что рождение Райана они не планировали. Вдобавок они заявляли, что именно это самое рождение стало главной причиной того, что они почувствовали – нужно вернуться в лагерь и продолжить управлять им, особенно после того, как скончался дедушка Макаллистер, а бабушка Макаллистер сбежала во Флориду с тренером по теннису.

– А, на мой взгляд, нам нечего сомневаться в том, что все мы родились по ошибке.

По-видимому, Райан был все-таки прав.

– И о чем нам это говорит? Что одни и те же поступки могут привести к различным результатам?

– Таково определение безумия.

– Это сказал Марк Твен?

– Скорее, Эйнштейн.

Марго задалась вопросом – а были ли ее родители на самом деле сумасшедшими, или они просто попали в ловушку обстоятельств? Людям свойственно возмущаться тем, от чего они не могут сбежать, даже если в этих вещах нет ни доли их истинной вины.

– Ты когда-нибудь думал о том, как они должны были выглядеть в наших глазах?

– Если честно, нет.

– А я думала. Вот они встретились. Влюбились друг в друга. И перестали быть просто людьми.

– Ну и? Хочешь сказать, это мы сделали их не просто людьми?

– Может быть, и мы. Ведь мы… Мы были для них очень многим. Марго снова посмотрела в окно. Озеро безмятежно покоилось. От берега, сидя в каноэ, отчаливал Шон. Лодка прорезала воду, повинуясь его плавным движениям. Марго вздрогнула, вспомнив, как она в последний раз возвращалась с Острова в каноэ, и как весло почти вырывалось у нее из рук, потому что гребла она как безумная.

– А ты задумывался хоть раз, – спросила она, – сможем ли мы забыть то, что случилось тем летом?

* * *

Закончив беседу с Райаном, Марго спустилась в подвал.

Лидди сидела перед экраном старого компьютера, просматривая сообщения на фейсбуке. Свет был почти погашен, а жалюзи закрыты. В свете монитора ее кожа выглядела почти прозрачной.

– С каких это пор здесь появился интернет? – спросила Марго.

– Райану установили его тем летом, вот откуда он взялся. А ты что, не знала?

– Теперь знаю. Ну и что там интересного?

– Да ничего особенного. Мне просто нравится смотреть кулинарные ролики.

Лидди нажала кнопку. На экране появилась запись о том, как приготовить печеный хлеб по-голландски. Выглядело вроде не очень сложно. Марго в который раз вспомнила о своей кухне, о том, как по выходным они с Марком затаривались по полной, чтобы обеспечить себя обедами на неделю вперед. Может, стоило попробовать этот рецептик. Марк, кстати, был большим поклонником домашнего хлеба, а эти ребята из ролика вроде говорили дело.

А почему я постоянно вспоминаю о Марке? Вот же дерьмо. Она так ему и не позвонила.

– Ничего, если я воспользуюсь телефоном?

Лидди не ответила, просто кивнув в ту сторону, где около кровати стоял телефон. Марго набрала сотовый номер Марка. Он не поднял трубку, поэтому она оставила сообщение, сказав, что пока сигнала нет, но она попытается еще раз на-

брать ему попозже.

– Нет смысла говорить, кто звонил, – сказала она. – Да и трубку вряд ли кто поднимет. – Тут она подумала – а может, он перевел ее звонки на голосовую почту, лишь бы показать, как он взбешен тем, что остался не при делах.

– А почему ты не с Марком? – спросила Лидди после того, как Марго повесила трубку.

– В каком смысле – почему?

– Ну, разве не вы у нас сладкая парочка?

– Ни разу.

Лидди запустила еще одно видео – теперь экран занимали здоровенные булочки с корицей.

– Вместе работаете, вместе живете… По мне так – типичная сладкая парочка.

Марго была учителем музыки в старшей школе, там же Марк был заведующим кафедрой математики. Они познакомились в учительской через несколько недель после того, как она начала там работать. Он там вовсю делился своими впечатлениями о только что уволенном директоре. Она хохотала над каждым его язвительным замечанием, и согласилась, когда он попросил у нее номер телефона. Наверняка тогда между ними не возникло ничего особенного, но теперь Марго казалось, что с того момент даже дня не прошло. Они настолько привязались друг к другу, что ей было дико провести без него хотя бы одну ночь. Даже в ночь похорон они не расстались и кое-как уместившись, спали вместе в ее дет-

ской кровати.

Иногда Марго думала – может, стоит попробовать подыскать работу в другой школе? Как здорово было бы получить несколько часов самостоятельности, не работая вместе в одном здании. Но, когда она высказала эту мысль вслух, Марк был совершенно ошарашен, не понимая, для чего ей могло это понадобиться. Вот она и отказалась от своей идеи. Она понимала – все вокруг считают, что он без ума от нее, да и она сама иногда думала так же. Было приятно находиться в обществе того, кто без нее потерял бы смысл жизни.

Тип, с которым она водилась до Марка, и который напрочь испортил ее третий десяток, относился к ней почти безразлично. Зато сама Марго нуждалась в нем, и даже сумела приспособиться к его желаниям и прихотям. Но подобные «отношения» в конце концов сокрушили ее душу, так что она не стала бы еще раз затевать что-то подобное.

– Мы все-таки иногда видимся в течение дня, – сказала она. – И на работу ездим вместе, это тоже объединяет.

– Ну, если ты так говоришь…

– А тебе-то какая разница?

– Ух ты. А чего это ты так взвилась?

На дисплее уже красовался конечный продукт – булочка с корицей, которая, похоже, весила не менее шести фунтов. А потом ее слопали четыре экранных персонажа, хотя такого количества еды могло хватить и на двадцать человек.

– Что за гадость.

– Зато какая вкусная гадость. Надо попросить Эми приготовить такую же.

– Может, такие блюда не из ее репертуара.

– А что, очень даже может, – Лидди потерла место, где намечался синяк, и поморщилась.

– Тебе больно?

– Да ничего страшного.

Она протянула руку и подняла рукав рубашки Лидди. Прямо под татуировкой на ее предплечье были две яркие отметины, которые обвивали ее руку, словно некий амулет.

– Это дело рук Райана?

Лидди опустила рукав.

– Да нормально все.

– Так вот почему ты сделала ту наколку, – потрясенно сказала Марго. Надо сказать, что Райан всегда отличался вспыльчивым характером, и ему как-то нужно было брать себя под контроль. Его пытались воспитывать, пытались и применять лекарства, причем поводом для последнего послужило то, как он однажды после отчисления из хоккейной команды МагГилла высадил битой окно на ледовом поле.

– Он что, схватил тебя?

– Не в первый раз, – Лидди наконец отвернулась от компьютера.

И сухо посмотрела на нее.

– Но он же не бил тебя, когда мы были детьми? Ведь не бил?

Лидди встала.

– А может, потолкуем об этом как-нибудь в другой раз?

– Судя по тому, как ты это сказала, мы уже никогда об этом не поговорим.

– Ну, если ты так считаешь…

Лидди обошла ее и направилась к выходу из подвала.

– Ты куда?

– Кейт пришла.

Глава 6. Я понятия не имела

Кейт

Пунктуальность не была сильной стороной Кейт Макаллистер, так что для страховки перед тем, как отправиться в лагерь, она договорилась с Кевином Свифтом, их семейным адвокатом.

И почти сразу пожалела об этом решении. Там ведь соберутся те, кому либо в районе тридцати двух лет, либо около шестидесяти пяти, и общего у них не так уж много. В самом деле, не так уж много, хотя Свифт был их семейным адвокатом со времен ее дедушки. Поэтому, как только они пересекли мост Шамплейн, она завесила окно свитером и сказала ему, что устала – не будет ли он возражать, если она немного поспит? Разумеется, никакой нужды в его разрешении не было, но он сразу же согласился, как, впрочем, соглашался со всем, о чем его просили члены ее семьи. Она с присущей ей легкостью и отключилась в считанные секунды.

Если Кейт приходилось спать в движущихся транспортных средствах, ее посещали самые странные сны, и этот раз не был исключением. Накануне она смотрела последний эпизод «Родины», и теперь ей снилось, что она – шпионка, маскирующая свои белокурые волосы и светлую кожу париком и

декоративной косметикой, благодаря которой выглядела экзотически-темнокожей. Шарф она повязала под подбородком так, что едва могла раскрывать рот. Связной должен был встретить ее на базаре у фруктовой лавки. Для опознания была придумана кодовая фраза, что-то там про лимоны, вот только Кейт не могла точно вспомнить, что ей нужно было сказать при встрече.

Базар был шумен и многолюден, в воздухе витали запахи незнакомых специй, продавцы кричали на неизвестных ей языках. Кейт почувствовала, как внутри поднялась паника, когда поняла, что не может найти нужную ей фруктовую лавку, где продавались те самые лимоны. Наконец она увидела ее, и адреналин отпустил. Возле прилавка стояла женщина, нюхавшая ярко-желтый лимон, и пристально его рассматривавшая, словно она пыталась обнаружить соответствие именно этого лимона одной ей известным высоким стандартам. Лицо ее было прикрыто шарфом, поэтому Кейт не могла с уверенностью сказать, что нашла того, кого искала. Хотя, с другой стороны, кто еще мог быть ее связным?

Она тронула женщину за плечо.

– Ну и как, хорошие тут лимоны?

Женщина обернулась. Внутри Кейт все оборвалось. На лбу у той была страшная рана, а лицо было призрачно-бледным.

– Аманда.

Машина дернулась, и Кейт ударилась головой о стекло.

Она моргнула, пытаясь сориентироваться.

– Вы что-то сказали? – спросила она Свифта.

– Я спрашивал тебя, насколько хорошо ты помнишь Аманду.

Кейт посмотрела в окно. Они уже ехали по дороге, ведущей к лагерю, той самой дороге, которую она узнала бы где угодно, где ей было знакомо каждое дерево вплоть до последней веточки и каждая уходящая в лес тропинка. Как же она любила все это. И ей казалось, что все время, прожитое вдали отсюда, она провела как в тумане.

– А зачем?

– Просто спросил.

Она достаточно долго была знакома с ним, чтобы понять – он лжет. Всякий раз, когда Свифт говорил неправду, его голос непроизвольно повышался на пол октавы. Таким голосом он нередко произносил фразы вроде: «Вам могут помочь в последний раз» или «Это был несчастный случай». Она задавалась вопросом, где ее дедушка откопал этого Свифта, и что за сделку они заключили, раз были так лояльны друг с другом. Спросить об этом напрямик как-то не приходило ей в голову. Он был словно привычный предмет интерьера, как это место, как эти сосны. Он тоже был высок и потрепан.

– А вы знали ее? – спросила она. – Я как-то забыла.

– Нет, – сказал он тем же голосом. – Не знал.

* * *

Несколько минут спустя он припарковал машину на гравийной площадке за домиком, где обычно останавливались грузовики, доставлявшие еду, достаточную для прокорма более сотни человек трижды в день. Лидди и Марго стояли перед крыльцом, скрестив руки на груди, словно так и ждали, чтобы прочитать Кейт мораль за опоздание, хотя она вовсе не опаздывала. Она сосредоточилась на них, пытаясь отвлечь себя от того, что лежало в домике. Вернее, *кого*.

Смотреть на своих сестер было все равно, что смотреть на себя, особенно когда дело касалось принятия определенных решений. Если бы она отказалась от солнцезащитного крема и качественных средств по уходу за волосами, то наверняка выглядела бы столь же неряшливо, как Марго. А если подстрижется покороче, да еще наденет одежду, которая обычно продается в отделах для мальчиков, то определенно станет походить на свою близняшку Лидди. Мэри среди них была как бы недостающим звеном, но это же звено было и связующим. Кейт запросто представляла ее, стоящей рядом, в своих неизменных бриджах и длинной косой, ниспадавшей на спину. Волосы Марго были самыми светлыми, Кейт и Лидди отличал ярко-рыжий оттенок, а их глаза были одинакового карего цвета. Отличался только Райан, со своими темными волосами и голубыми глазами, словно ему мало было, что он

единственный мальчик в семье.

Она вышла из машины и глубоко вздохнула. Даже воздух здесь пахнул иначе, хотя они проехали всего несколько миль. Как такое возможно?

Лидди направилась к ней, но Марго осталась на месте.

– Итак, ты это сделала, – сказала Лидди, подражая ее голосу – создавалось ощущение, что Кейт слушала саму себя в записи. Потом она обняла Кейт. Вот вам еще одно чувство, вызывающее полную дезориентацию: словно обнимаешься сама с собой. Она буквально чувствовала идентичность своей ДНК и той ДНК, которая пребывала под всеми татуировками Лидди.

– Вы должны были знать о моем приезде, – сказала Кейт. – Я ведь писала, когда отправлялась в путь.

– В целом так и есть. Эй, Свифти, как дела?

Свифт начал рассматривать носки своих сапог. Лидди радовалась, когда ей удавалось поставить его в неловкое положение, а удавалось это ей частенько.

– Я полагал, что наша встреча назначена на десять? – наконец сказал он.

– Абс-хрено-лютно.

– Лидди!

А вот это уже Марго. Может быть, так чувствуют себя все старшие дочери в семьях, но она, похоже, ощущала себя их матерью чуть ли не больше, чем их настоящая мать. Ингрид Макаллистер, в результате четырех беременностей,

после одной из которых родила двойню, весьма смущалась сопутствующих этому растяжек. Своих детей она любила, но нельзя было сказать, что они были по-настоящему близки. Она заботилась о том, чтобы они были одеты и ухожены, но вот повозиться с ними, например, в грязной луже, не отваживалась. Кейт иногда задавалась вопросом: а вдруг это своего рода месть за то, что они отобрали у нее юность? Может быть, ей следовало вообще остаться бездетной? Опять же, после того, как Марго подросла, она сместила Ингрид с ее материнской «должности», хотя была еще очень молодой девушкой. Кейт постоянно удивлялась, как это Марго не завела кучу собственных детей, но, как и о многом, происходившем в их семье, она предпочитала не спрашивать.

– Спокуха, Марго, – сказала Лидди. – Это чтобы Свифти лучше расслышал.

А упомянутый Свифти раскачивался с пятки на мысок своих резиновых сапог. Странный выбор обуви, особенно если учесть погоду, да и его зеленый рыбацкий жилет, который он надел поверх белой рубашки с короткими рукавами, тоже выглядел нелепо. Озеро не годилось для рыбалки – для этого оно было слишком мелким.

– Все собрались? – спросил он.

– Мэри пока что не объявлялась – ответила Марго. – Но остальные тут.

– А что насчет Шона?

– Насчет Шона? – сказала Лидди, и ее глаза встретились

с глазами Кейт, как это часто бывало, если им необходимо было что-то сообщить друг другу без слов. Лидди любила сплетни, и она часто делилась ими с Кейт, хотела последняя подобного или нет. «С тем же успехом ты можешь произнести все вслух, – говорила она в таких случаях. – Ведь ты и так читаешь мои мысли».

Конечно же, Кейт не могла читать мысли Лидди, ничего подобного. Но зачем рассказывать об этом этой самой Лидди? А?

– Шон должен присутствовать, – сказал Свифт. – Я полагал, вы это знаете.

– Ничего такого мы не знаем, – ответила Кейт.

Лидди усмехнулась.

– Ну уж что-то ты наверняка знаешь. Ты же два часа провела с ним в машине.

– Я все время спала. К тому же Свифт не сказал бы мне ничего такого, чего ему не следовало бы говорить. Он бывает молчалив, как сейф.

Свифт снова почувствовал себя неловко, пока Лидди десять долгих секунд сверлила его и Кейт своим взглядом. Кейт понимала, что все это работа воображения, но была готова поклясться, что чувствует, как сознание Лидди прижимается к ее собственному, словно пытаясь прорваться.

– Ага… Что ж, девушки…

– Да ладно, не парься, – ответила Лидди. – Слишком уж всерьез ты все воспринимаешь.

– Но все-таки, где же Шон?

Рот Марго вытянулся в тонкую прямую линию.

– Я видела, как он плывет на остров.

* * *

Кейт и Лидди откинули зеленый брезентовый навес, открыв несколько потрепанных каноэ. Земля была усеяна пожелтевшими сосновыми иголками, а солнце было полностью перекрыто мощными белыми соснами над головой. Кейт вздрогнула, пожалев, что не взяла с собой оставшийся в машине свитер.

– Мы можем подождать, пока он не вернется, – сказала Кейт. – Спешить все равно некуда.

– Ни в коем случае. Райан не станет ждать так долго. Давай покончим с этим.

Благодаря долгой практике им ничего не стоило поднять каноэ со стойки и перенести его на пляж. Они перевернули его и сдвинули в воду. Детьми они были влюблены в преподавателя по гребле, кое-кто даже участвовал в регатах для ребят в возрасте от десяти до двенадцати лет. Потом Кейт пошла своим путем, и на сей раз Лидди не стала ее останавливать.

– Я возьму весла и спасательные жилеты, – сказала Кейт.

– Какая же ты пре-Кей-ту-смотрительная.

Под камнем она нашла спрятанный ключ от сарая – ей

давно был знаком этот тайник – и открыла дверь. Она взяла два весла и пахнувшие плесенью оранжевые спасательные жилеты. «До чего же жуткий сарай» – подумалось ей. А может, все просто из-за того, что как-то раз Лидди заперла ее здесь, будучи в бешенстве от того, что Кейт отхватила еженедельный приз «Лучший представитель лагеря». Но Лидди за это даже не наказали, а все потому, что одну парочку поймали, когда те втихаря занимались сексом на Сикрет Бич. Так что по сравнению с чудовищной катастрофой, из-за которой лагерь могли закрыть, грешок Лидди стал бледнее бледного. Отец так и сказал тогда «лагерь могут закрыть». Только, в отличие от пришедшей в ужас Кейт, он казался скорее восторженным.

Когда она вернулась на пляж, Лидди, закатав джинсы до колен, стояла в озере. На фоне темной воды ее ноги казались особенно белыми.

– Что, сильно холодно?

– Не слишком для Дня труда.

Кейт сбросила свои «лодочные» туфли и подумала, стоит ли ей снять юбку цвета хаки, которая на ней была, когда до нее дошло, что меньше всего на свете ей хотелось бы, чтобы Шон увидел ее в нижнем белье. Сев в лодку, она натянула спасательный жилет, бросив другой рядом. Лидди столкнула каноэ поглубже в воду, затем забралась внутрь.

– Я буду справа, – сказала Кейт.

– Но только по пути туда.

– Ладно.

Они быстро поймали свой прежний ритм. Весла беззвучно врезались в темную воду, когда нос лодки мягко входил в поднятую ими волну. Погода на озере могла поменяться в одно мгновение, и Кейт пожалела, что не удосужилась почитать прогноз. Остров находился примерно в полутора километрах от берега, так что множество туристов каждое лето плавали туда. Когда Кейт и Лидди занимались юношеским триатлоном, они и вовсе плавали туда и обратно каждый день по утрам, Марго же занимала в их лодке роль спасателя.

– Помнишь, как мы ночью плыли на Остров? – спросила Лидди.

– Можешь даже не напоминать.

– Ладно, не буду.

В тишине они еще раз двадцать ударили веслами. «Впусти же меня», – подумала Кейт, но ничего не произошло.

– Ты все еще встречаешься с Оуэном? – спросила Кейт. И увидела, как румянец заливает шею ее сестры.

– Сходимся и расходимся.

– А остальным ты тоже так скажешь?

– Может, и скажу.

– Слушай, ты можешь всем рассказать, что ты натуралка. Подумаешь, большое дело.

Лидди обернулась.

– А ты расскажи всем, что лесбиянка, подумаешь, большое дело.

– Не люблю, когда на меня наклеивают ярлыки.

– Ага, зато любишь их на одежде.

– Ты иногда бываешь редкостной сучкой. – Кейт повернула весло и подняла водяной веер, забрызгавший весь правый бок Лидди.

– Какого черта?

– Осторожнее, а то опрокинешь лодку.

– Все, тебе конец, ты в курсе?

– Думаю, что тут не самое лучшее место для подобных угроз.

Лидди снова погрузила весло в воду. После еще одной проведенной в молчании минуты они оказались достаточно близко, чтобы увидеть уткнувшуюся носом в прибрежные камни лодку Шона. А сам Шон спокойно сидел, наблюдая, как они подплывают.

– Какого черта он сюда явился? – спросила Лидди.

– Сама знаешь.

Аманда

22 июля 1998 года, 23:00

Незаметно подкралась ночь. Даже не могу сказать, сколько раз я смотрела на свои «Свотч», всякий раз изгибая запястье так, чтобы на него падал световой блик. Марго продолжала ехидничать, интересуясь, чего такого я жду от неко-

его «горяченького свиданьица, ха-ха-ха». Я сказала ей, что дико устала, и нам нужно укладывать детей спать.

– Но мы-то по-любому не заснем, – сказала она.

– Хотя лежать будем наверняка.

– Ты себя нормально чувствуешь?

– Нормально. Просто устала, я же сказала тебе.

Я встала с бревна, лежащего у костра. Марго продолжала играть на гитаре наиболее любимые в лагере песни, принимала заказы на продолжение. Она обладала красивым голосом и могла запросто исполнять мотивы, которые слышала всего пару раз. Мэри пела вместе с ней. Их голоса прекрасно сочетались, напоминая какую-нибудь женскую группу времен шестидесятых.

– Ладно, деточки, – сказала я. – Пора по кроваткам.

– Чего? Уже?

– Да, но вы можете болтать, пока у ваших фонарей не сдохнут батарейки.

– Шикарно!

Я включила свой налобный фонарь, и мы упаковали девочек в спальные мешки. Когда мы закончили, я по своей инициативе отправилась за банками, чтобы наполнить их водой и погасить огонь.

– Я и сама могу этим заняться, – сказала Марго. – А ты отдыхай.

– Да нормально все. Мне просто захотелось это сделать.

Мне уж совсем было показалось, что нам придется спо-

рить за то, кому выполнять это неблагодарное занятие, но тут кто-то из наших девчонок крикнула, что у нее сломался фонарик, и Марго пошла выяснять, что да как. И только я с облегчением вздохнула, как мое сердце громко забилось. Может быть, Райан просто играл со мной? Может, он вовсе не придет? И как я смогу потом смотреть на него, если подобное произойдет?

Я направилась к воде – не на пляж, к которому мы причалили, а к тому, что по другую сторону Острова – Бэк Бич, так его называли. Я шла через лес по темной тропинке, ища ранее оставленные метки, которые я сделала, собирая валежник. Вот сломанная ветка на дереве. Вот насечка в мягком березовом стволе. Взошедшая луна, уже полная, освещала мне путь лучше иного ночника. Вот я услышала мягкий плеск бьющейся о камни воды. Издалека доносились девичьи голоса, смех, треск огня, скрип деревьев. От озера несло гниющими водорослями, и я знала, что мои волосы пахнут дымом от костра. Не самая привлекательная комбинация, но что поделать.

Я снова посмотрела на часы. Наступило назначенное для встречи время.

Где же был Райан? Если он действительно приплыл сюда, то ведь не ушел бы, не дождавшись меня, верно?

– Буу! – вдруг кто-то проорал мне в ухо.

У меня просто сердце остановилось.

	Аманда	Марго	Райан	Мэри	Шон
21:00	Церемония зажигания фонарей	Церемония зажигания фонарей	Церемония зажигания фонарей		
22:00	На Острове	На Острове		На Острове	На спасательной лодке
23:00	На Бэк Бич	На Острове		На Острове	

Глава 7. Остров – часть первая

Шон

Шон смотрел, как близняшки плывут через Озеро. Он так и думал, что они последуют за ним, но главным образом ему хотелось, чтобы его оставили в покое. Оставили его со своими воспоминаниями об этом месте. Об этом Острове. Ведь это его Остров.

Он обожал Остров. Из всего лагеря это было его самое любимое место. После того, что случилось двадцать лет назад, сюда на несколько лет было запрещено приезжать. И назло Макаллистерам, он не приехал туда и на следующий год после того, как это разрешили. После снятия запрета они вновь организовали ночевки, которые теперь контролировали вдвое больше вожатых, чем это было ранее – они работали парами, посменно. Ничего плохого уже не могло произойти. Если бы хоть с одним ребенком что-нибудь случилось, это навсегда бы испортило репутацию лагеря. «Что-то подобное», – любил втолковывать мистер Макаллистер, бродя взад-вперед перед выстроившимися перед ним гостящими, словно сержант во время утренней проверки.

Впрочем, все относились к тому, что он говорил, вполне серьезно. Может, мистер Макаллистер и не был талантливым

администратором, но персонал его определенно уважал. Лагерь под его руководством продолжал работать, он знал, как выделить из толпы лидеров и следил за тем, чтобы они оставались популярными. Никто не хотел, чтобы лагерь прекратил свою работу. Особенно сам Шон.

Но для тесных сборищ Остров был не тем местом. Это было идеальное место для одиночества, кольцо безмятежности на озере, равноудаленное от обоих берегов, покрытое такой густой массой деревьев, что, пока вы не выйдете на каменистый пляж, вас никто и не заметит.

Никто даже не узнает, что вы вообще там были.

Каждый иногда нуждается в подобном месте.

Приезжие детишки любили болтать о том, что Остров полон призраками. Истории о них они рассказывали, сидя вокруг костра и доводя ими друг друга до истерики. Но для Шона все это было преддверием прошлого, неким памятником своему детству, в котором сумел остаться лишь он один. Он не мог представить свою жизнь без этого места – ему оно было нужно.

Он опустил руку в холодную воду и поднял камень размером с ладонь. Он был черен и гладок, вес – просто идеален. Пальцами он ощупал всю его поверхность. Близняшки теперь были почти рядом. Он даже разбирал отдельные слова, но понять, о чем они говорили, пока не мог. Он встал и повернулся к ним спиной, быстро зашагав по опушке в сторону Бэк Бич. Дойдя до сложенной из камней пирамиды –

странного памятника – Шон возложил камень на его вершину и тихо произнес молитву. Затем отвернулся и отправился туда, куда причалила лодка.

– Привет, девочки! – сказал Шон. – И что у нас такого?

– Тебе нужно вернуться в дом, – сказала Лидди. – Пошли.

Глава 8. Теперь мы все в одной лодке

Райан

В этот день все шло наперекосяк, совершенно не так, как планировал Райан. Он должен был повиноваться своему первому инстинкту – включить AC/DC и ехать дальше по дороге. Но вместо этого он сидел в промокших штанах, а в паху все еще неприятно пульсировало. Что ж, он признавал, что заслужил этот удар коленом от Лидди. Ему было стыдно, что он схватил ее так грубо, она действительно испугалась. Он много работал, чтобы научиться контролировать свой характер, посещал терапевта и занятия по управлению гневом, поэтому обычно ему удавалось держать себя в руках. Но теперь он чувствовал, как злость переполняет всю его сущность, бродит в животе, стискивает грудь. Много времени прошло с тех пор, когда он в последний раз ощущал нечто подобное: может быть, в последний раз такое происходило с ним, когда в его офис вломились копы, якобы с целью поиска доказательств мошеннических действий Джона.

Дурацкое лето. Худшее из худших.

Он полез в карман пальто и вытащил бутылочку с таблетками, большая часть которых успела превратиться в порошок. Он пытался сократить дозы «Клонапина», но сегодня

это было ему просто необходимо. Потеря самообладания может обернуться настоящей катастрофой. Он сорвал крышку, положил пилюлю на язык и ждал, пока она растворится – уже один этот горький вкус действовал на него подобно плацебо. Потом сунул бутылочку обратно в карман, когда вошли Свифт и Марго.

– Дерьмово выглядишь, – сказала Марго.

– Благодарю за комплимент.

Свифт сел на диван. Тот прогнулся под его весом. Выглядел Свифт едва ли не хуже Райана. Он извлек носовой платок и вытер пот со лба. На нем были резиновые сапоги, джинсы, которые смотрелись так, словно час назад еще висели в витрине, и рыбацкий жилет. Райану хотелось отколоть по этому поводу какую-нибудь шуточку, но мысли почему-то разбегались.

– Все в порядке? – спросила Марго у Свифта.

– Нормально, нормально, – отвечал он, тяжело дыша, хотя всего лишь прошел несколько десятков метров от стоянки. – Просто привык к сидячей работе, вот и все.

Райан не видел Свифта с похорон, но не потому, что намеренно избегал контакта с ним. Свифт откладывал встречу несколько месяцев, мотивируя свой поступок тем, что Райан и так узнает все, что хочет, когда они встретятся в лагере на День труда – такова была воля отца. Райан, конечно, разозлился, но что ему оставалось делать? Ему казалось, что где-то там, на небесах или еще где-нибудь, отец сидит и

смеется над всеми ними, тупо ожидающими этой загадочной встречи, которая все больше напоминала эпизод из детективных романов, которыми зачитывался отец. Агата Кристи или Рекс Стаут. Сначала собирается вся семья, а потом…

А потом Райан отбросил эту мысль. Нужно было подождать, пока подействует таблетка, а в это время приедут его остальные сестры. Тогда он и узнает все, что ему нужно было знать – по крайней мере, так обещал Свифт.

– Тебе нужно привести себя в порядок, – сказала Марго. – Купи стол с беговой дорожкой или что-нибудь в этом духе.

– Может быть, может быть.

– А почему бы нам не выпить?

У Райана затеплилась надежда, но она сразу погасла: Мэри принесла лишь несколько стаканов холодного чая, настоянного на смеси трав, которую так любила их мать. Райан выпил свой стакан, жалея, что заранее не позаботился втихаря притащить сюда фляжку, хотя эта идея, честно говоря, была ужасной. Алкоголь и спокойствие – вещи несовместные. Может быть, Кэрри была права, и один он уже не справится?

– Ну и что тут за хрень происходит? – спросила Лидди, когда в компании Кейт и Шона, они вошли в комнату, распространяя вокруг себя озерные запахи. – Похоже на похороны.

– Лидди!

– Что, Мармулечка? С тех пор прошло уже несколько месяцев. Так что сейчас нам скорее нужно праздновать.

Марго нахмурилась. Каждый из присутствующих знал, как она ненавидела это прозвище. Но именно поэтому Лидди и воспользовалась им.

Кейт попыталась отмахнуться.

– Да забей ты на нее. Ты же знаешь, что она просто пытается привлечь к себе внимание. Как всегда.

– Ах, туше, – патетически произнесла Лидди.

Шон пошел на кухню и вернулся со стаканом чая со льдом.

– Мог бы и у нас спросить, может, мы тоже пить хотим, – сказала Лидди.

– Я, вообще-то, нет, – ответила Кейт.

Шон вернулся на кухню и принес еще два стакана.

– Спасибо, Шон, – сказала Марго. – Не стоило утруждаться.

Шон пожал плечами и уселся на край дивана. Как это на него похоже, подумал Райан. Он никогда не делал ничего такого, что могло бы заставить кого-то подумать, что он – один из их семьи. Все почему-то принимали такое его поведение как должное, и Райан об этом знал, но никогда не мог понять, почему Шон смирился с подобным отношением. Неужели есть на свете люди, которым нравится быть у кого-то под каблуком?

Кейт и Лидди сели на другой диван, отделившись друг от друга подушкой.

– Давайте уже начнем наше шоу, – сказала Лидди.

– Мы не можем начать, пока все не соберутся, – ответил Свифт. – Таковы полученные мной инструкции.

– Да иди ты к черту, – ответствовала Лидди. – Где Мэри? Кто-нибудь в курсе?

– Она сказала мне, что обязательно приедет, – сказала Марго. – Но ты же знаешь, что успеть вовремя никогда не было ей под силу.

– Значит, нужно ей позвонить, – сказал Райан.

– У нее нет мобильного телефона. А трубку стационарного она никогда не берет.

– И что? Будем сидеть и ждать, как бараны?

Ответа на свой вопрос он не получил. Вместо этого они все повернулись и посмотрели на входную дверь, словно их мысли об одном и том же могли заставить Мэри внезапно материализоваться, как на спиритическом сеансе. Как призрака.

Аманда

23 июля, 1998 год, 6:00

Знаменитая строчка в конце «Великого Гэтсби» – та самая, где говорится об утлых суденышках человеческих жизней, которые сносит упрямое течение – всякий раз заставляла меня вздрагивать, как и тогда, когда я впервые прочла ее, будучи еще школьницей. Она вынуждала меня вспоминать о

лагере и о том, как много времени я проводила в подобных суденышках – на парусной лодке, в каноэ, да пусть хоть на водяной горке. В мире этих лодочек я выглядела как Форрест Гамп. Находиться на борту лодки было для меня совершенно привычно, я инстинктивно умела сохранять равновесие, заняв правильную стойку. Меня даже как-то окрестили «Морские ножки», и это было справедливо.

Меня всегда охватывала грусть, когда в конце лета мы вытаскивали лодки на берег и оставляли их в сухих доках на всю зиму. И как же я грустила, понимая, что придется уехать из лагеря на всю осень, зиму и весну. Иногда, в мечтах о будущем, мне грезилось кругосветное путешествие или жизнь в каком-нибудь дальнем уголке мира, где я могла бы плавать круглый год. Такие вот недооформившиеся мысли недооформившейся девушки.

Понимаете ли, я всегда считала, что вода станет началом моей новой жизни, но отнюдь не приведет к ее концу. Я понятия не имела – да и откуда бы? – насколько непонятной, непостижимой окажется для меня последняя поездка на лодке. Что я буду, распластавшись, лежать на берегу, пока моя лодка будет биться о камни Сикрет Бич, словно ожидая, когда же меня обнаружат. В тот уголок берега меня приведет судьба, она же там и оставит.

Для меня все это казалось незыблемой истиной, когда неожиданно возник некто.

	Аманда	Марго	Райан	Мэри	Шон
21:00	Церемония зажигания фонарей	Церемония зажигания фонарей	Церемония зажигания фонарей		
22:00 вечера	На Острове	На Острове		На Острове	На спасательной лодке
23:00	На Бэк Бич	На Острове		На Острове	
6:00	На Сикрет Бич				

Глава 9. Прыжок в высоту

Мэри

Мэри Макаллистер всегда говорила своим ученикам, что если лошадь сбросила вас, нужно немедленно оседлать ее снова – что-что, а дельные советы она всегда давала вовремя. Упустишь момент – готовься к краху.

Жизнь была во многом похожей на верховую езду. И решающим фактором в ней было время. Но как раз с чувством времени у нее было плохо, если только она не сидела верхом на лошади. Во всех других случаях она то и дело опаздывала, а то и вовсе пропускала важные события. Но это, как правило, не имело особого значения. На занятия с детьми она не опаздывала никогда. К лошадям тоже – безо всякого будильника она каждый день вставала на рассвете, чтобы убедиться, что лошади накормлены, вымыты и выведены на прогулку. А остальное, что, по всей видимости, играло огромную роль для окружающих, по части пунктуальности ей никак не давалось.

Сегодня же именно пунктуальности ей и не доставало, тем более что у одной из лошадей слетела подкова, а у другой воспалилась нога, но кого, кроме нее, это могло всерьез взволновать? И какая-то ее часть, похоже, даже наслажда-

лась мыслью о том, что вся честная компания сидит и нетерпеливо ждет ее появления, понимая, что без нее они так и будут просто сидеть и истекать слюной от жадности.

Мэри никогда не осознавала до конца, что за сила заключена в доверии, объединяющем обитателей лагеря. Это были, так сказать, технические вопросы, не имевшие для нее особого значения. Все, что было известно каждому из них – ее отец нередко возражал против продажи лагеря, пока он жив. Причем делал это один в один как миссис Беннет из «Гордости и предубеждения», когда она в очередной раз жаловалась на проблемы со своим «майоратом». «Именно вам, детишки, – нередко говаривал отец, – и предстоит выяснить, как обойтись с этим местом».

А потом родители умерли – тогда и начались сюрпризы. Отец хотел, чтобы они обеспечили работу лагеря в его последнее лето. Свифт больше ничего не сообщил им, кроме того, что в День Труда они наконец получат хоть какую-то новую информацию. Это заставило Мэри задуматься. Может быть, отец в жалобах пытался выразить свою любовь? Или он настолько влюбился в то, что он называл своей «тюрьмой», что заполучил своего рода стокгольмский синдром[4], спровоцированный сорока годами детского смеха и тихой красотой озера?

[4] Термин, популярный в психологии, описывающий защитно-бессознательную травматическую связь, взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения и/или применения угрозы или насилия.

Скоро она об этом узнает.

Наконец она была готова, чтобы отправиться туда. Она терпеть не могла процедуру оформления машин в аренду, тем более что через лес от принадлежащей ей фермы, которая находилась в четырех милях отсюда, к лагерю пролегала прекрасная широкая тропа. Было чуть позже десяти, когда она оседлала Корицу и вывела ее из конюшни. Тропинка шла по красивым местам, через листья деревьев сочился свет, сквозь ветви просматривалось озеро. Ей нравилось, что вокруг царило безмолвие, если не считать звуков их с Корицей смешанного дыхания да шума случайной моторки с озера.

Она знала, что кое-кто из ее братьев и сестер захочет поскорее продать имущество, заграбастать денежки и смыться побыстрее. Но поступить так было бы преступно. Что же ей делать, ей, привыкшей выживать? Что она могла сказать им, чтобы убедить оставить все как есть? Но, как бы она ни старалась, все равно не могла найти нужных доводов.

Возле скобяного магазина тропа превратилась в настоящую дорогу. Мэри привязала лошадь к перилам крыльца, похлопала Корицу и принесла ей воды для питья в здоровенной жестянке – такие стояли здесь у каждого крыльца, исполняя роль простейших огнетушителей, которыми мог бы воспользоваться даже ребенок. Как же ей хотелось остаться с Корицей, а то и просто вновь оседлать ее да уехать прочь, но она понимала, что тем самым лишь немного отсрочит неизбеж-

ное. Поэтому прошла сквозь подлесок и поднялась по задней лестнице к дому своих родителей.

Она посмотрела через раздвижные стеклянные двери в гостиную. Все они – ее семья, Шон и мистер Свифт сидели на кушетках, которые ее родители унаследовали от бабушки и дедушки, и смотрели на дверь, словно заключили некое пари на то, кто войдет в нее первым. Словно ожидали появления Годо[5].

Но нет.

Никакого Годо они не ждут. Они ждут меня.

Это взбудоражило ее чувства. Ее никогда и никто не дожидался, ей казалось, что все свое детство она провела в тени одной из своих сестер. Только на конюшне она чувствовала себя настоящей, и понимала, что только здесь ее и ждут.

Она уставилась на них. Те же выглядели так, словно расселись перед художником, который вот-вот начнет писать с них картину. Даже как-то неудобно было нарушить этот порядок. Но она должна была вмешаться.

Она постучала по стеклу.

* * *

– Теперь, когда мы все здесь, – сказал Свифт пять минут спустя, когда наконец стихли возмущенные возгласы,

[5] «*В ожидании Годо*» – пьеса ирландского драматурга-абсурдиста Сэмюэля Беккета.

вызванные опозданием Мэри, и когда она сама уже сидела на диване между близняшками, держа в руке стакан холодного чая, – Мы можем вплотную заняться делом.

Свифт встал и вытащил из одного из многочисленных карманов, которыми был усыпан его жилет, какой-то документ. Он был сложен втрое, отчетливо была видна только внушительная печать.

– Позволю себе небольшой экскурс в историю, хотя подозреваю, что большинству из вас все и так известно. Прежде чем ваши бабушка и дедушка умерли, они передали землю, на которой находится лагерь, в доверительное управление. Ваш отец получил право опеки над имуществом, я же был доверенным лицом. Доверенность действовала вплоть до его смерти, а земля не могла быть продана по какой бы то ни было причине до наступления этого момента. Поскольку при оформлении данной сделки никто из вас еще не родился, ваш дедушка предоставил вашему отцу право решать, кому эта собственность достанется после его смерти.

– Что он и сделал, – сказал Райан.

– Что он и сделал, – согласился Свифт. – Это и подводит нас к сегодняшним событиям. Итак, вам известна воля вашего отца. Но в ней есть… э-э-э… несколько необычных моментов. Он прочистил горло. – Поэтому я хочу, чтобы вы были в курсе – я пытался отговорить его от придуманного им замысла, но он был непреклонен.

– Да давай уже рассказывай. – Это встряла Лидди. Она

всегда так поступала, но в данном случае Мэри не могла не согласиться с ней. Зачем так драматизировать? На ее взгляд, склонность к театральным эффектам как нельзя хуже характеризовала ее отца. А он, похоже, всерьез считал, что даже бытовые мелочи должны выглядеть так, словно все происходящее – театральное представление. Нет, даже хуже. Представление, разыгранное на сцене.

Свифт кашлянул, словно был простужен.

– Ваш отец передал собственность в совместное владение своим детям, за одним, скажем так, необычным исключением, объяснение которого, как мне кажется, лучше предоставить вашему отцу.

Из другого кармана жилета он достал еще один листок. – Все его требования записаны в этой бумаге. Он было начал разворачивать документ, но уронил его. Тут же поднял, его лицо вспыхнуло, лоб вновь вспотел. – Простите, простите.

Потом наконец развернул бумагу. – Ну что ж. Приступим.

«Дети мои. Для некоторых из вас то, что я скажу, может оказаться полной неожиданностью, но даже кушетки, на которых вы сейчас сидите, для меня означают целый мир. Правда, так было не всегда. В свое время я относился ко всему этому с прохладой, но теперь все изменилось. Когда я пишу эти слова, ваша мама фотографирует лилии в своем саду. Наступают сумерки, и я не помню, чтобы озеро было когда-нибудь освещено столь же прекрасно. Мне стран-

но думать, что написанное мной здесь и сейчас вы станете читать тогда, когда меня уже не будет в живых. Но такова, увы, судьба каждого из нас. Мы мимолетны. Мы непостоянны.

Моему отцу хотелось, чтобы это место навсегда осталось прежним. Поэтому он и устроил все так, чтобы у меня не было иного выбора, кроме как остаться здесь. Но, хотя в моем случае это был наилучший выбор, я сомневаюсь, что вы все сможете с ним согласиться. Поэтому, как бы мне ни хотелось, чтобы вы продолжали присматривать за лагерем, я поступлю не так, как мой отец, и позволю вам самим определять свою судьбу.

Любой выбор имеет значение. Иногда большее, иногда меньшее. Но оставить вас в неведении было бы неправильно. Впрочем, как вам наверняка известно, у этой истории есть своя подоплека. Двадцать лет назад в лагере Макау случилась ужасная трагедия. Полиция считает произошедший инцидент неисчерпанным. Однако с годами я пришел к выводу, что вина за него лежит на одном из вас. Мне нелегко было принять, что один из моих детей мог нести ответственность за сотворенное с этой невинной девочкой, но я должен был это сделать. Может быть, мои слова покажутся вам абсурдом, но, как бы то ни было, я долгое время боролся сам с собой, пытаясь понять, как поступить с тем, что стало мне известно. Понимаете ли, мне недоставало уверенности в себе. Даже сейчас мне ее не хватает.

Весьма затруднительное положение, но поскольку идеального решения, увы, не существует, я решил поступить вот как. Райан, я знаю, что ответственность тебе не чужда. Нельзя назвать тебя самым обязательным человеком в мире, но ты вовсе не лишен этого. У полиции может ничего не быть на тебя, но ведь у них на руках нет всех фактов. Я так и не понял, зачем тебе понадобилось совершать то, что ты совершил, но, если ты слушаешь эти слова, выходит, что я так и не успел переговорить с тобой об этом лично.

Девочки, поскольку я не уверен окончательно в своей правоте, то оставляю все на ваше усмотрение. Если вы считаете, что я не прав, и ваш брат невиновен, то со спокойной душой можете сделать его равным участником долевой собственности. Должен заметить, что срок для этого ограничен сорока восемью часами с того момента, как Свифт прочтет вам это письмо. За это время вы должны решить, получит ли Райан свою долю, а также определиться с тем, сохраните ли вы за собой это место либо же продадите его. Решение насчет Райана, должен заметить, должно быть единодушным. Отказаться от этого решения вы уже не сможете. К каким бы выводам вы ни пришли, я надеюсь, что вы сможете продолжить работу лагеря. Это поистине удивительное место. Здесь мы впервые стали настоящей семьей, лучшими версиями самих себя. Для меня не было бы большей радости, чем знать, что мое дело будет передаваться из поколения в поколение. Но последнее слово

я оставляю за вами. И могу лишь надеяться, что вы запомните мое желание, которое впоследствии станет и вашим желанием.

И, наконец, Райан – хотя тебе, наверное, трудно будет выслушать это – я поступаю подобным образом из любви к тебе, а также из уважения и любви к Аманде. Мне неизвестно, что ты почувствуешь, узнав об этом, но, пожалуйста, поверь, что я всецело тебе сочувствую. Возможно, мне нужно было быть к тебе строже, пока я жил, но я никак не мог найти в себе для этого достаточно уверенности. Я очень сожалею об этом. Если я ошибался в тебе, прости меня и позволь поверить, что твои сестры сделают правильный выбор. Желаю вам всем удачи. С любовью, папа».

Когда Свифт закончил читать, наступила минута молчания. Единственным звуком был шорох складываемой им бумаги, которую он в итоге засунул обратно в карман.

– Какого, блин, черта? – наконец спросила Кейт. – Это же бред какой-то.

– Да? – поинтересовался Райан. – Тут вообще хоть какой-то смысл есть?

– Мне жаль говорить вам об этом, Райан, но если ваши сестры не согласятся, вы не будете одним из наследников.

– Что вообще тут за схема? – спросила Мэри.

– Ваш отец оставил все имущество вам, вашим сестрам и мне в порядке долевой собственности. Если вы решите,

что Райан тоже является наследником, я обязан передать ему оставленную мне долю.

– Ты что, серьезно? – спросил Райан. – Это обязательное условие?

– Заверяю вас, это так.

Лидди, Райан и Кейт заговорили одновременно. В этой неразберихе сложно было понять, кто и что именно говорил: попробуйте-ка сами разобраться, когда шумят сразу трое. Однако яростные нападки Мэри почти всегда разбирала. Через всю комнату она уловила взгляд Марго. Та плакала. Мэри это просто поразило. Марго обычно не имела привычки открыто демонстрировать свои чувства, но, с другой стороны, они с Амандой были очень близки. Быть может, весь творящийся перед ними абсурд имел к этому какое-то отношение.

Можно подумать, что двадцати лет было достаточно, чтобы что-то преодолеть или хотя бы пережить. Но прислушиваться к мнению других она не собиралась.

Она пыталась говорить, но никто ее не слушал. Раздраженно промолчав целую минуту, она подняла руку вверх – этот прием они всегда использовали в лагере, когда призывали всех к молчанию. И они последовали призыву – взрослость не истребила юношеских рефлексов. Первым отреагировал Шон, последним стал Райан. Только Свифт держал руки по швам, выглядя весьма озадаченным.

– Что произойдет, если мы не согласимся передать долю Райану? – спросила у Свифта Мэри, когда в комнате наконец

стало тихо. – Или если мы не придем к общему решению? Значит ли это, что мы владеем всем этим, но не можем продать?

Свифт скосил глаза влево, и Мэри поняла, что он ответит, хотя он еще даже не раскрыл рта.

– Не совсем так. В подобном случае я должен предпринять некий промежуточный шаг. Если вы не договоритесь относительно Райана, я передам свою долю Шону.

Глава 10. Объедки

Марго

Летом Райан бросил свою семью. Марго навестила Кэрри и ее племянниц якобы с целью проведать, хотя на деле хотела убедиться, действительно ли Райан так поступил. Мэйси тогда исполнилось шесть. Кэрри пригласила всех ее одноклассников и установила на заднем дворе надувной замок. Вечеринка была просто оглушительной, словно компенсируя своим размахом отсутствие Райана. Если, конечно, не считать того, что он именно там и находился. Он приехал как обычный гость, через несколько минут после Марго, с большим розовым пакетом под мышкой. Мэйси, Клер и Саша были в восторге – сразу повисли на нем и потянули за руки во двор. Мэри, наблюдая за этой счастливой семейной кучкой, размышляла, а не уйти ли ей куда подальше. Она вроде как думала заменить Райана, но когда тот явился во плоти, она почувствовала себя лишней.

Но покинуть этот дом вот так, внезапно, означало, что потом ей придется давать Марку объяснения, отчего да почему она ушла, не успев прийти. В свое время они договорились не появляться там поодиночке. После того, как они оказывались среди детей, принадлежавших другим людям, они

неизбежно ссорились. Он хотел ребенка, она же – нет, хотя пока и не объяснила ему, по какой причине. Она просто не понимала, как ей вести себя в роли матери, хотя и осознавала тот факт, что ей необходимо принять решение – может, не в тридцать пять и даже не сейчас, в тридцать семь, но… еще она была в курсе, что мать-природа вскоре может принять это решение за нее. Если уже не приняла.

Так она и осталась на вечеринке. Там были и ее родители, хотя она и не ожидала их увидеть. Макрели, как их давно уже прозвали дети в лагере, не были идеальными бабушкой и дедушкой, их присутствие на вечеринке казалось неуместным. Длинные волосы отца были забраны в хвост; на нем была футболка с изображением Че Гевары. Мать позволила своим почти белым волосам стать окончательно белыми и заплела их в длинную густую косу, которую обернула вокруг головы, подобно тому, как это делали ее дальние предшественницы, шведские доярки, много поколений назад. Ее одежда была сделана из натурального волокна, что лишь подчеркивало, как она стремится к поддержке матери-земли.

Наблюдая за ними через газон, Марго пришла в голову мысль, что, если она увидит их в новостях, где их представят кем-то вроде лидеров очередной секты имени Судного Дня, она ни разу не удивится. Они, безусловно, выделялись в толпе, которая, казалось, была сплошь облачена в серо-коричневое. Родители не одобряли поведения Кэрри, которая, по их мнению, вступила в брак из-за денег (по крайней мере,

отец любил это повторять), и очень любила эти деньги тратить. Но как раз на этом фронте теперь были проблемы, так что Марго даже удивлялась, как это они решились устроить столь грандиозную вечеринку. Может быть, поспособствовали родители Кэрри. По крайней мере, ее отец и мать стояли возле чаши с пуншем, оба одетые в костюмы от Келвина Кляйна.

Марго, привела себя в порядок и подошла к родителям, наблюдая, как детишки продолжают скакать на батуте. Родителей она не видела давно. Марку рядом с ними было както некомфортно, и это заставляло ее еще острее видеть их недостатки, нежели тогда, когда она сама была гостьей лагеря. Но она решила попробовать вновь сблизиться, особенно когда Саша, младшая из всех собравшихся детей, подошла к ней и доверчиво сунула свою маленькую лапку в руку Марго.

– Рисуешь?

Она уронила руку.

– А что это, милая?

– Бабушка принесла краски. Ты поможешь мне?

– Какая бабушка?

Саша указал на Ингрид.

– Давай попросим ее помочь нам рисовать?

– Ладно.

Саша потянула ее к матери Марго.

– Идем, – сказала она, схватив за руку Ингрид и потащив за собой к маленькому столику. Там лежал новый набор ак-

варельных красок, бумага и несколько чистых кистей.

– Что мы будем рисовать? – спросила Ингрид. Она грациозно опустилась на траву и пододвинула миску с водой.

– Вечеринку?

– Точно.

Ингрид начала работать, а Марго и Саша наблюдали за ней. Картина под ее умелой рукой формировалась быстро, и на какое-то мгновение в мозгу Марго вспыхнуло воспоминание о том, как она вместе со своей матерью рисовала нечто похожее, пытаясь сохранить яркое мгновение. Но потом она почему-то об этом забыла.

– А людей будем рисовать? – спросила Ингрид после того, как на бумаге уже появились газон, столик для пикника и надувной дом-батут.

– Будем рисовать семейку, – сказала Саша.

– Будем – значит будем. Хочешь помочь, Марго?

Марго улыбнулась матери, потянувшись за кистью. Она была рада, что пришла сюда. Может, именно этим ей и стоило заняться – запечатлеть и сохранить все это…

Внезапно на задний двор ворвался Райан, волоча за собой двух девчонок.

– Пора попрыгать! – проревел он, толкая обеих ко входу в надувной дворец.

Саша словно пробудилась, рисунок был моментально забыт.

– И я с вами, папочка! И я!

Райан побросал своих дочерей, словно баскетбольные мячи, в надувной батут. При этом они радостно визжали, а их платьица, окрашенные в подходящие к случаю пастельные тона вились вокруг их талий, словно маленькие воздушные шары. Они всегда вели себя немного буйно, даже диковато, но сейчас… Сейчас их поведение отличалось от обычного. Они работают на публику, поняла Марго, но эта публика представлена только в одном лице – в лице Райана. Они словно пытались показать ему, как им не хватало его присутствия. От этой мысли ее сердце попросту разбилось.

– Как бы кто-нибудь не пострадал, – озабоченно сказала Ингрид, когда несущиеся из надувного замка вопли стали совсем уж оглушительными. Непонятно было, что там творится, но не прошло и минуты с тех пор, как приведенная Райаном орава вломилась внутрь, и вдруг из замка один за одним начали выскакивать остальные дети, причем с такой быстротой, словно пытались покинуть зону военных действий. В итоге внутри остались только дочери Райана, прыгая все выше с непонятной решимостью, отражавшейся на их невинных лицах. Несколько минут спустя, когда замок практически сдулся, Кэрри спросила у них, что случилось. В ответ поднялась буря негодующих протестов. Но Марго-то видела глаза выбегающих из батута детей.

Они были полны страха.

* * *

– А мама об этом знала? – спросила Свифта Марго.

– О чем?

– Записка принадлежала папе. Так что я хочу знать, была ли мама в курсе, что он ее написал? И была ли она согласна с написанным?

Свифт потер подбородок. Края его воротничка потемнели от выступившего пота. – Нет, не думаю, что она имела представление обо всем этом. Ваш отец оставил два типа инструкций – в случае, если он умрет первым, она получит пожизненное право на владение лагерем, а затем оно перейдет к вам. Если же она умрет первой или они умрут одновременно, то…

– Да знаем мы, что тогда будет, – процедил Райан сквозь зубы.

– Понимаю.

– Но это полное дерьмо.

Райан поднял руку и бросил свой стакан чая со льдом в окно. Стакан просвистел у Свифта над головой и врезался в стекло со звуком, который прозвучал словно выстрел. Все оцепенели. Но не Шон. Он вихрем пронесся по комнате и вдавил Райана в стену, прежде чем хоть кто-то успел пошевелиться.

– Отвали! – заорал Райан.

– Отвалю, если ты успокоишься.

– А как, по-твоему, я могу успокоиться, если ты так на меня навалился?

Но Шон вместо ответа еще сильнее обхватил его. Райану показалось, что его просто расплющило о стену, к которой он был прижат.

– Прекрати, Райан, – сказала Лидди. – Ты же знаешь, что он намного сильнее тебя. Он всегда был сильнее.

К ним подошла Мэри. Она положила одну руку на плечо Шона, а другую – на плечо Райана. Тихим голосом, словно разговаривая со своими любимыми лошадьми, она произнесла: «Тише, тише, успокойтесь». И это сработало. Райан перестал сопротивляться, и руки Шона расслабились. Мэри снова заговорила, и тогда он отпустил Райана, сделав шаг назад. Райан опустился на стул и посмотрел на лед, разбросанный у его ног. Кейт вышла из комнаты и вернулась с полотенцем и метлой, быстро приведя все в порядок. Лидди помогала ей; лишь Марго и Свифт оставались неподвижными.

– Все нормально? – спросила Мэри Райана и Шона, протягивая к ним руки с поднятыми ладонями.

Те кивнули.

– Почему бы нам не сесть и не поговорить об этом? – спросила Мэри.

– Как вам такое предложение, мистер Свифт?

Свифт, казалось, словно проснулся. – Хорошо.

– Марго?

– Что?

– Ты в порядке?

– В порядке.

– А ты в курсе, что проторчала на одном месте, как приклеенная, пять минут подряд?

Марго поводила головой. Действительно, все сидели на своих местах, лишь одна она стояла как столб. И побей ее Господь, если она хоть что-то понимала в происходящем. Может, это был просто шок? Такое иногда с ней случалось, особенно в молодости. Она словно застревала в собственной голове, не замечая, что происходит вокруг нее. Однако подобного с ней не происходило с тех пор, как ей стукнуло семнадцать. Вплоть до настоящего времени.

Наконец она села. – Я просто ждала, когда все успокоятся.

Мэри посмотрела на нее, но ничего не сказала. Остальные, похоже, и вовсе не обращали на них никакого внимания. Все взгляды были устремлены на Свифта.

– Ладушки, Свифти, – сказала Лидди. – Мы слушаем тебя во все ушки. Может, объяснишь, наконец, что тут творится?

Тот прокашлялся. – Объяснять особо нечего. Желания вашего отца сформулированы вполне конкретно. Райан сможет стать одним из наследников только в том случае, если остальные решат, что он этого достоин. Если подобного не произойдет, Шон получит одну пятую долю собственности, но опять же вам всем придется решать, какова будет дальнейшая судьба этой части.

– Значит, и по этому поводу нам нужно прийти к единому решению? – спросила Марго.

– Нет, это решение может быть принято большинством. Единогласное решение ваш отец упомянул лишь касательно Райана.

– Что ты хочешь сказать словами «вы должны прийти к единому решению, как поступить с этим местом? – спросил Райан. – Ты что, заранее решил, что часть наследства достанется Шону, а не мне?

– Я просто пытаюсь разобраться в ситуации.

– Не могу поверить, что слушаю всю эту чушь, – ответил Райан. – И уверен, что, когда переговорю со своим адвокатом…

– И что ты ему скажешь? – поинтересовалась Кейт. – Что папа знал, как ты поступил с Амандой? И что же ты сделал с ней?

Райан побледнел. – Ничего я с ней не делал.

– Паршиво, черт подери, – сказала Лидди. – Даже Райан не заслуживает подобного обращения.

– Лидди! – предупредительным тоном сказала Мэри.

– А что? В смысле, какого хрена вообще происходит? Мы тут пытаемся восстановить какую-то чертову справедливость?

– Перестань, Лидди, – сказала Марго. – Просто прекрати.

Кейт положила руку поверх ладони Лидди. Они, казалось, общались, даже не открывая рта. Лидди что-то проворчала,

но рта больше не раскрывала.

– Это что, какая-то игра? – допытывалась Марго у Свифта. – Одна из шуток папы? Мы проведем выходные, пытаясь прийти к какому-то единому решению, а затем ты предъявишь нам еще одно его письмо, в котором будет сказано, что он «просто пошутил», и в котором он попросит извинения за то, что мы не оценили по достоинству это развлечение?

– Могло бы быть и так. Но в любом случае другого письма у меня нет.

– Не надо шутить над тем, что произошло с Амандой, – сказал Шон. – Эта девушка была невинна.

– Не так уж и невинна, – отозвалась Мэри.

– И что бы это могло значить? – Взгляды Марго и Мэри пересеклись.

Кое-что в подобном духе Марго и раньше слышала об Аманде, и всегда при этом злилась. *Если бы Аманда не улизнула… Если бы продолжала заниматься тем, чем занималась… Если бы, если бы…* То, что случилось с Амандой, произошло не по ее вине.

Мэри отвела взгляд. Почему-то она никогда не пыталась оправдываться, если Марго начинала говорить о ней чуть ли не с презрением. А ведь каждому нужно уметь постоять за себя в этом мире.

– Мы должны проголосовать прямо сейчас? – спросила Марго.

– В течение сорока восьми часов. Так говорится в письме.

Значит, в воскресенье, после поминок, я думаю, – сказала Кейт.

– Значит, у Райана есть сорок восемь часов, чтобы убедить нас, что он невиновен?

– Лучше скажи, нагрузить нас своей болтовней, чтобы мы так или иначе отдали ему долю наследства, – фыркнула Кейт.

– Говорила же вам – все это хрень собачья, – сказала Лидди, затем повернулась к Свифту.

– Впрочем, для нашего папаши такие штучки вполне типичны. И сколько уже существует этот его планчик?

– Десять лет.

– Десять? Десять? Ты хочешь сказать, что он составил его после…

– Да.

– Но ведь это был несчастный случай.

– Похоже, ваш отец так не считал.

– Понятно. Молодец, Мэри, так держать.

Мэри со спокойным видом оглянулась. – Не понимаю, с какого бока я могу быть в этом замешана.

– Да ты никогда ничего не понимаешь. Господи, как я от тебя устала.

Лидди повернулась на каблуках и выбежала из комнаты. Кейт встала, чтобы пойти за ней.

– Не надо, Кейт, – сказала Марго. – Пусть она выпустит пар.

– А если она совсем убежит?

– Не убежит.

Кейт вновь села. Марго смотрела на своих братьев и сестер. Райан, весь покрытый потом, потирал руку, которую там, у стены, особенно сильно прижал Шон. Кейт кусала ноготь большого пальца. Мэри сидела на своем стуле, словно на лошади, готовясь к взятию барьера. Шон качал ногой вверх-вниз, что, как было известно Марго, было признаком того, что он сильно волновался.

Существовало ли еще одно послание их отца или нет, но только что разыгранное представление было поистине ужасно.

* * *

Марго проводила Свифта на стоянку, когда эта так называемая семейная встреча наконец закончилась. – Простите за все, – сказала она, когда они добрались до его машины. – Сама не понимаю, что нашло на Райана.

Он вытер лоб, достав из кармана жилета носовой платок.

– Погодите-ка. Она взяла платок и смахнула с него там и сям застрявшие мелкие осколки стекла.

– Стекло, понимаете? – объяснила она.

Он ничего не сказал, просто взял платок и встряхнул его. Она подумала – может, предложить ему обратиться к врачу, проверить сердце со всеми его цилиндрами, или клапанами, или что там еще заставляет работать сердце, кроме любви,

но решила не делать этого. С чего ей было переживать за Свифта. По крайней мере, сейчас.

– Я пытался отговорить его от этого, – сказал он.

– Уверена, именно этого вы и добивались.

– Мне вовсе не было приятно озвучить вам его послание.

– Думаю, так и есть.

– Как вы думаете, что случится дальше?

– Хотите честно? Понятия не имею.

Он снова вытер лоб. – Непросто разбираться с семейными делами.

– И не говорите. А он давал вам понять, почему был так уверен, что Райан в чем-то виновен?

– Так сразу и не скажешь.

– Вы собираетесь обратиться в полицию?

– И что я им скажу?

Она смотрела на череду деревьев, скрывавших озеро.

Ветер усилился. Она слышала, как поплавки доков стучат друг о друга.

– Знаете, что во всем этом самое смешное? – сказала она. – Я всегда думала, что мои родители считают именно меня во всем виноватой.

– Это еще почему?

– Я была одной из последних, кто видел ее в ту ночь. Разве это не делает меня одной из основных подозреваемых?

Аманда

22 июля 1998 года, 23:00

Когда я услышала этот ужасный голос, то первый, о ком я подумала, был Райан. Но секунду спустя я обернулась и почувствовала себя крайне глупо, когда поняла, насколько ошибалась.

– Марго! – смущенно и растерянно сказала я, теперь уже не понимая, как я могла спутать их голоса. – Ты разве не должна сидеть с детьми?

Она уперла руки в бедра. – Мне хотелось бы спросить тебя о том же.

Она была одета во все черное: черные походные брюки, черная толстовка; даже ее волосы были зачесаны назад, поэтому не отражали свет, как обычно, и тоже казались черными. Когда она раньше облачалась в подобный наряд, я както не придавала этому значения, но теперь до меня начало доходить – именно так она одевалась, когда мы по ночам совершали набеги на мальчишечью секцию. Единственное, чего не хватало сейчас – черной туши, которую она, на манер бейсболистов, в свое время наносила под нижние веки.

– Извини, я испугалась, – сказала я.

– Да ну? Она водила фонариком взад-вперед. Его луч то и дело выхватывал то каменистый пляж, то деревья позади

нее.

– А почему у тебя такой странный голос?

– Да не знаю я. Ты вообще непонятно вела себя всю ночь, потом сказала, что принесешь воды, чтобы погасить костер, а в итоге я нахожу тебя здесь. Ты бродишь по пляжу, словно кого-то ждешь. Что, блин, происходит? У тебя тут свидание?

– Нет у меня никакого свидания.

– Обалдеть. Значит, это Саймон? Вот почему он перестал со мной разговаривать.

Она имела в виду Саймона Воклера, одного из вожатых. Стоит добавить, что именно благодаря ему Марго потеряла девственность прошлым летом. Примерно через неделю он бросил ее, отчего она едва не впала в прострацию. Нельзя сказать, что ее чувства к нему носили здравый характер, но она не переставала упрекать себя за то, что они у нее возникли. И хотя я знала Саймона почти так же давно, как и Мэри, мы никогда с ним не ладили. И ей об этом было хорошо известно.

– Думаешь, я жду Саймона? Да ты просто с ума сошла.

– Разве? А кто с ним танцевал прошлой неделе?

– Да это было всего один раз. И он пригласил меня только потому, что задержался в душе, а все в это время уже разобрались по парам. Кстати, в душе он застрял еще и потому, что не хотел напороться на Трейси.

– А по мне, все было совсем не так.

– Но ты же говорила, что тебе плевать на него? Что ты его

просто ненавидишь?

Она вздрогнула. Да, ей хотелось убедить в этом всех, но в глубине души она все еще хотела его. Она это понимала, он это тоже понимал. Но, тем не менее, относился к ней как к дерьму. Вот почему она так ненавидела его.

– Значит, у вас тут не свиданка, – сказала она. – Но ты весь день так странно себя вела.

– Ничего подобного.

У что-то сжалось в груди. Мы никогда не ссорились всерьез, ни разу за десять лет, когда уже хорошо узнали друг друга, а теперь грыземся, как шестилетки.

– Это глупо. Ты же знаешь, Саймон мне даже не нравится.

– Ну, раз ты так говоришь…

Я смотрела, как фонарик, раскачиваясь по дуге, поднимается все выше и выше. Когда он достиг уровня моих глаз, я отвернулась.

– Если ты тут, – спросила я, – то кто же остался с детьми?

– С ними все в порядке. Там Мэри.

– Черт возьми, Марго, мы не должны оставлять их наедине с ней. Нам лучше вернуться, пока кто-нибудь не пострадал.

– А как же Саймон?

– Говорю же тебе, я не встречаюсь с ним.

– А что тогда ты здесь делаешь?

Я не хотела ей об этом говорить, но у меня, похоже, не было выбора. – Жду Райана.

– Райана?

– Да, знаешь ли. Твоего брата Райана.

– Так ты встречаешься с Райаном.

– Да.

Фонарик перестал ходить ходуном. Я понимала, что она вряд ли поверит мне, но, похоже, скоропалительных решений она принимать не собиралась. Видимо, взвешивала факты.

– Хм.

– И как же следует понимать твое «хм»?

– Да никак. Я просто удивлена. Ни фига себе, прямо скажем. Ну да ладно. Вот как, оказывается, все повернулось. Она шагнула вперед и неожиданно обняла меня. От нее пахло костром и зефиром. Но будь осторожна, хорошо?

– В смысле?

Она отпустила меня. – С Райаном. Не позволяй ему разбить тебе сердце.

– Да он, похоже, ни о чем подобном даже не думает.

– А я готова спорить, что еще как думает.

– Мы должны вернуться.

– Да не парься. Я все понимаю. Оставайся тут.

– А как же дети?

– Все будет хорошо. Она наклонилась и подняла банки для тушения огня с того места, где я их оставила. – Я лучше пойду, пока никто не заметил, что рядом с детьми нет ни одного взрослого.

– Уверена?

– Еще как.

– Спасибо, Марго.

– На здоровье. И, не знаю… Позабавьтесь, что ли. Ладно?

Я смотрела, как она уходит в лес; ее слова эхом отдавались в моей голове. Позабавиться? Я думала об этом как-то иначе. При мысли о Райане меня всю охватывала дрожь, но назвать это забавным можно было лишь с большой натяжкой. Безусловно, это меня возбуждало. И бабочки, как положено, трепыхались у меня в животе. Может, я что-то упустила?

«Позабавьтесь».

Когда она исчезла среди деревьев, я повернулась к воде и окинула взглядом горизонт. Мне не удалось ничего увидеть, зато удалось услышать.

Плеск весел.

Подплывал Райан.

	Аманда	Марго	Райан	Мэри	Шон
21:00	Церемония зажигания фонарей	Церемония зажигания фонарей	Церемония зажигания фонарей		
22:00	На Острове	На Острове		На Острове	На спасательной лодке
23:00	На Бэк Бич	На Бэк Бич		На Острове	
6:00 утра	На Сикрет Бич				

Глава 11. Джон Дир[6]

Шон

Шон занимался тем, чем и всегда, когда ему нужно было поразмыслить: разъезжал на газонокосилке и собирал скошенную траву в контейнер. Косилку он собственноручно ремонтировал столько раз, что уже потерял этому счет. Чистый запах свежескошенной травы и вид ухоженной лужайки – как же он любил все это. И ездить на косилке вокруг можно было совершенно беспрепятственно, пока ты не упирался в лес, ему, кстати, очень хотелось хоть немного проникнуть туда. В любом случае, сам процесс кошения казался ему столь же священным, как церковная проповедь. Это был торжественный, умиротворяющий акт. И сама природа отвечала на его «проповедь» своим облагороженным обликом.

Но почему-то сегодня это не успокаивало его, как раньше. Понятное дело, до сих пор ему не приходилось сталкиваться с возможностью получить в собственные руки часть лагеря. Выходит, теперь у него будет право голоса, если придется определять судьбу лагеря и решать, будет ли он и впредь

---

[6] Американский кузнец и промышленник, изобретатель стального плуга, основатель компании Deere & Company – крупнейшей конструкторской сельскохозяйственной фирмы в мире.

работать, как должно.

Впрочем, все это были условности. Как и то, что мистер Макаллистер сделал для него, и лучше бы не забывать об этом. Шон сколько угодно мог работать по части благоустройства, но в вожатые его не допускали. Его держали скорее за Мистера Разводной Ключ, но никак не за члена семьи. Где-то здесь таился подвох. Он пытался подобрать нужные слова, но, черт возьми, он никогда не был хорош в подобного рода вещах. Ему было известно лишь то, что мистер Макаллистер однажды твердо заявил – он сможет оставаться в лагере столько, сколько захочет. Если только остальным это будет угодно.

От этой мысли у Шона прямо дыхание перехватило. Он не знал, куда ему податься, если придется покинуть лагерь. Что он будет делать? Всю свою сознательную жизнь он посвятил этому месту и не знал ничего, кроме того, как жить в лагере и заботиться о нем.

Предпочтут ли его Райану, своему родному брату, даже если большинству из них он далеко не нравится? Возможно ли подобное? А как они относятся к нему самому? Он не мог даже приблизительно определить их отношение – может, с его существованием просто мирились? А может, здесь было и нечто большее? Если он все правильно понял, свое место он сохранит, если они не сумеют договориться. Вариант по умолчанию. До чего же умно поступил мистер Макаллистер. Они ведь всегда спорили друг с другом, всю свою жизнь. И

ему не хотелось подсиживать Райана. Именно этого и хотел отец, правда ведь?

Так или иначе, своего собственного отца он не знал. Его мама, которая сама уже стала для него лишь полустершимся воспоминанием, никогда не рассказывала ему о человеке, от которого забеременела. И это было хорошо. Так называемая настоящая семья представлялась ему огромной и постоянной склокой – надо же было уметь разбираться во всех чувствах и во всех людях, которые ее составляли. Для Шона было бы вполне достаточно, если бы от такой семьи осталась половина.

И тогда он навсегда смог бы остаться в лагере Макау.

Глава 12. Беглец

Лидди

Когда Лидди вышла из дома, она спустилась по лестнице, а затем повернулась и вошла в подвал через отдельный вход. В двери, к которой она подошла, была решетка, которая позволяла прекрасно слышать, что происходит в гостиной. Она обнаружила эту дверь однажды летом, когда ей было восемь лет, и с тех пор частенько пользовалась ей. В основном она подслушивала разговоры персонала по воскресным вечерам. Именно тогда она получала всю самую интересную и свежую информацию. Она узнавала имена подростков, которых ловили на том, что они в лесу занимались сексом, курили, да бог знает что еще. Большинство детей были слишком наивны, чтобы догадываться – «Макрелям» известно практически все происходящее в лагере. А вот Лидди это понимала и безраздельно пользовалась в своих интересах.

Ей было не привыкать к тем странностям, которые она могла услышать. Правда, всегда был риск услышать, например, что-то нелицеприятное и о себе самой, а это не каждому понравится. Взять хотя бы сегодняшний разговор. Лидди не понравилось, каким тоном говорила Марго – та словно была абсолютно уверена в том, что Лидди никуда не денется,

хоть и очень этого хочет, и Марго определенно нравилось, что Кейт почему-то стремится последовать за Лидди. Подобного она боялась больше всего – может, как-нибудь она заявит, что собирается покончить с собой, а Кейт ее в этом не поддержит и не остановит. И придется либо сделать то, что она сказала, либо униженно сдаться.

Последняя часть разговора была попросту скучной. Много кричали, в основном этим занимался Райан. Потом он долго и угрюмо твердил о своей невиновности, снова и снова повторяя, что не имеет никакого отношения к тому, что случилось с Амандой. На это было просто жалко смотреть. Затем ушли Свифти и Марго; тогда из разговора она поняла еще кое-что. Оказывается, Райан пытался давить на Кейт, чтобы та проголосовала за него как за наследника. Сама Кейт говорила мало. Лидди очень даже явственно представляла себе ее лицо, пока та слушала вкрадчивый голос Райана, изо всех сил пытаясь избежать его очарования. Лидди уже понимала, что сейчас произойдет. Кейт была человеком замкнутым, особенно когда речь заходила об ее семье, так что она не сделала бы ни единого жеста, чтобы, не дай бог, не раскачать лодку. Так что, если бы все согласились, Кейт не подала бы свой голос против. Но все равно это был просто блестящий ход – обратиться к ней первым. Лидди сделала бы так же. Вдруг Кейт все-таки решит, что должна поступить, как ей сказано? *Но даже если она так решит*, все равно дело пойдет так, как намечалось.

Когда она услышала, как Кейт сказала: «Я не думала об этом раньше», – у Лидди просто завяли уши, так что она надела костюм для бега, схватила телефон, наушники и ушла. К тому времени, когда она добралась до главной дороги, она уже сильно вспотела, зато понимала – как только поднимется на вершину холма, то сигнал сотовой связи станет значительно лучше.

Она набрала знакомый номер.

– Эй, детка, как дела?

Она почувствовала облегчение. Разговор с Оуэном всегда успокаивал ее. Он всегда был уравновешенным и невозмутимым, что служило идеальным противовесом поселившейся в ней дикости. Что даже забавляло, особенно если учесть то, как он зарабатывал на жизнь. Впрочем, ей подобное вполне подходило. По крайней мере, никто из них не отколет никакого неожиданного номера.

– Я сбежала с этого говно-шоу.

– И все еще бегаешь?

– Ага.

– Значит, все действительно хреново.

Хотя бегать по холмам было не так уж и легко, она просто растворилась в голосе Оуэна. Как же она жалела о том, что приехала в лагерь. Как же ей хотелось никогда не переживать этих выходных. Как же ей хотелось отправиться домой.

– Я за тобой приеду, если хочешь.

Прошлой ночью он высадил ее на обочине, не доезжая до

места – она хотела, чтобы никто не узнал об ее столь раннем появлении.

– А разве намечается какой-нибудь рок-фестиваль?

Оуэна, в принципе, можно было назвать почти что рок-звездой. Еще не знаменитость, но вот-вот ей станет.

– Я мог бы отложить все свои дела.

– А мне казалось, что тебе позарез нужны деньги для финансирования записи твоего следующего альбома. Ты ведь начинаешь сходить с обложек.

– Поищу в других местах. Организую краудфандинг, или еще что-нибудь.

Она всегда поражалась, как легко фанаты отдают свои деньги якобы для поддержки любого проекта, над которым работает их любимый автор. Поддержите съемки моего фильма! Помогите моей книге стать изданной! Помогите мне, наконец (это было вершиной ее коллекции) отправиться в отпуск и дайте заслуженно отдохнуть! Впрочем, она отнюдь не была уверена, что просящим будет дадено по мольбам их. Впрочем, пока проект Оуэна не представлял никаких тайн или незаконных действий, она была почти уверена, что его обязательно поддержат. По крайней мере, до тех пор, пока этот самый проект будет оставаться в рамках законности. А сам Оуэн, похоже, не стеснялся ни в целях, ни в средствах. Лидди это даже смущало, но в итоге она была вынуждена убедиться в том, что в его действиях нет ничего противозаконного. Она видела, как дергались его поклонники из-

за возможности созвониться с ним по скайпу, шанса получить его фото с подписью, а в наилучшей перспективе – даже личной встречи, если только пожертвованных денег для этого хватало. Впрочем, Оуэн заранее обговаривал пределы поведения во время подобной встречи. Гораздо труднее ей было понять то, как могли чувствовать себя эти совершенно незнакомые ему люди при встрече с ним, где бы она ни состоялась – в ресторане, в театре, просто на улице.

– Хорошо. Но имей в виду – на сей раз это и близко не будет похоже на свидание.

– Детка, ты просто восхитительна, когда ревнуешь.

Размахивая руками, Лидди поднялась на другой холм. Она остановилась, чтобы отдышаться, глядя на спокойно жующих траву коров, которые паслись в поле за тонким проволочным забором.

– Ты еще на связи? – спросил Оуэн.

– А где же мне еще быть.

– Так мне приехать за тобой?

– Со мной все будет в порядке.

– А как насчет Райана?

– Что насчет Райана?

Она ведь прозевала момент, когда Райан схватил ее за руку. И она понимала, что если расскажет об этом, то Оуэн примчится сюда, не успеешь и оглянуться. А она пока не была готова к тому, что мир, в котором пребывает ее дорогой Оуэн, столкнется с миром лагеря Макау. По крайней мере,

время для этого еще не настало.

– Он опасен, не так ли?

– Ничего он не опасен.

– Но если именно он сделал это с… Как, бишь ее звали?

– Аманда.

– Если именно он сделал это с Амандой… Вам, ребята, лучше бы отправиться в полицию.

– Он мой брат.

– А какое отношение этот факт имеет к происходящему?

Лидди посмотрела на ближайшую к ней корову. Как проста была ее жизнь – броди себе по полю и жуй траву день напролет, не подозревая, что тебя откармливают на убой. Может, и среди женщин есть такие же «коровы», которых вот-вот съедят? Сравнение – так себе, конечно.

– Мне никто не угрожает, и в полицию мы не пойдем. Кроме того, эта самая полиция разнюхала все вдоль и поперек сразу после происшествия.

– Но обвинения так никому и не предъявили.

– Не нашлось достаточного количества доказательств, чтобы это сделать. Так они говорили. По-моему.

– По-твоему?

– Мне тогда было всего двенадцать. Я ничего не понимала в происходящем. Да и никто из нас не понимал.

Лидди вспомнила, как она беседовала с детективами. О том, что ее родители должны были сопровождать ее – ведь она была несовершеннолетней. О том, что все ощущалось

как забавная игра, в которой она выигрывала. Лидди всегда была хороша в том, чтобы скрывать секреты. *А где ты была той ночью, Лидди? Неужели все время не отходила от Кейт? А как ты относилась к Аманде?*

– А против кого именно было недостаточно улик? – спросил Оуэн.

Лидди больше не хотела говорить об этом. Ей просто хотелось бежать.

– Лидди? Ты еще на связи?

Она отодвинула телефон подальше и громко заговорила.

– Оуэн? Я не слышу тебя. Здесь плохой сигнал. Попробую набрать тебе попозже.

А потом она повесила трубку.

Аманда

23 июля 1998 года, 6:00

Меня нашли близняшки.

Даже не знаю, что они делали на Сикрет Бич. Позже, в сопровождении родителей, они рассказали полиции, что искали цветы для проекта лавки ремесленных изделий, над которым они работали. Звучало это странно, и, тем не менее – задолго до сигнала к побудке эти двое рыскали по району, куда им запрещалось отправляться без сопровождения взрослых. Но, во-первых, им было по двенадцать, а во-вторых, они бы-

ли детьми владельцев лагеря, так что это давало им определенный иммунитет от чрезмерного постороннего внимания.

Я слышала их. Слов было не разобрать – просто голоса. Панический шепот. Шорох их шагов по высокой траве, которой порос пляж. Потом я услышала слово *«неприятности»* – думаю, что его произнесла Кейт, хотя, скорее всего, я сама себя в этом убедила, поскольку это было наиболее вероятно. Не в силах ничего предпринять, я сильно обозлилась. Выходит, они больше переживали, чтобы не попасть в беду самим, а на мое спасение им плевать. А я-то думала, что была для них почти как сестра.

Кто-то из них упомянул о *мертвецах*. Что-то типа *«мертвое тело» или «мертвая девушка».* И я закричала: *«Я жива!»,* но этот крик звучал лишь у меня в голове – они не могли меня услышать. *Помоги себе сама*, – подумала я. *Сделай хоть что-то.* Но мир, полный боли, словно застыл вокруг меня. *Ну, хоть сдвинься с места. Тронь что-нибудь*. Я собрала в кулак всю свою волю и моя рука слегка пошевелилась. Мне казалось, что я отчаянно машу руками, но я понимала, что принимаю желаемое за действительное, однако я по-прежнему прекрасно слышала их голоса.

– Я видела, как ее рука двигалась!

– Что? Да нет же, дурочка, тебе просто почудилось.

– А вот и нет. Я серьезно, Лидди. Она сдвинулась.

– Я хочу посмотреть, а вдруг она еще дышит.

– Как это?

– Тише!

К моему рту прижалась ладонь, еще сильнее затруднив мое дыхание.

– Что ты делаешь?

– Ничего не чувствую.

Какая же боль, какая адская боль. Ну же, нужно двинуться, двинуться, двинуться. Я снова пошевелила рукой. Кто-то закричал. Рука, накрывавшая мой рот, исчезла, а потом все стало черным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.